002310 ✻

Совершенно секретно

СБОРНИК

101

№ 0011

Москва 1984

СБОРНИК

Совершенно секретно

№ 101

СТАТЕЙ ОБ АГЕНТУРНО-ОПЕРАТИВНОЙ И СЛЕДСТВЕННОЙ РАБОТЕ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР

Год издания двадцать шестой

Москва, 1984

СОДЕРЖАНИЕ

КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ РАБОТА

Д. ПОСЫРЕВ — Об инициативе и творчестве в оперативной работе 3

В. НОВИЦКИЙ, С. КУЗНЕЦОВ — Агент «Эрвин» в оперативной игре «Коллеги» 21

Г. БАДАСЯН, Н. ТЕУВАЖУКОВ — Агентура в борьбе с враждебной деятельностью северо-кавказской эмиграции . . . 33

Н. ФЕДОСЕНКО — О вводе агента в разработку . 38

М. ГАЕВЕЦ, Ю. КАВУН — Ухищрения контрабандистов . 42

Ю. ЧИЧЕЛОВ, И. ЛЫСЕНКО — Быстрый розыск бандита 45

СЛЕДСТВИЕ И ДОЗНАНИЕ

Ф. ПОХИЛ — Организация расследования антисоветской агитации, проводившейся группой лиц 49

В. ПРИСТАЙКО — Опасный преступник разыскан и осужден 56

ПОДГОТОВКА И ВОСПИТАНИЕ КАДРОВ

И. СИНЯНСКИЙ, В. КУРЧАЕВ — Совершенствовать методическую помощь секретариатам органов КГБ . 62

И. ФИЛАТОВ — Читательская конференция 63

СВЕДЕНИЯ О ПРОТИВНИКЕ

В. РЕЗНИЧЕНКО — Реформирование разведки и судебных органов современной Франции 66

ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНОВ ВЧК—КГБ

А. ПИКИФОРОВ — Несколько слов о боевой соратнице Н. И. Кузнецова 71

В. ДОВГЕР — Из воспоминаний о Д. Н. Медведеве . . 72

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. В. Толкунов (ответственный редактор), **А. Ф. Волков** (зам. ответственного редактора), **М. А. Козичев, В. И. Проскурин, А. П. Рагозин, И. И. Устинов, А. А. Фабричников, М. П. Чирков** (зам. ответственного редактора), **И. И. Якушев.**

В Сборнике № 101 восемьдесят страниц. Корректор Н. Ф. Сопова
Сдано в набор 19.06.84. Подписано к печати 19.07.84.
Формат 70×108/16. Заказ № 00238т

Типография редакционно-издательского отдела
Высшей ордена Октябрьской Революции
Краснознаменной школы КГБ СССР
имени Ф. Э. Дзержинского

КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ РАБОТА

ОБ ИНИЦИАТИВЕ И ТВОРЧЕСТВЕ В ОПЕРАТИВНОЙ РАБОТЕ

Генерал-полковник Д. НОСЫРЕВ

Установка на инициативу и творчество в оперативной работе непосредственно вытекает из природы советских органов государственной безопасности. Само образование Всероссийской чрезвычайной комиссии было творческим актом. Если Советы, ставшие государственной формой диктатуры пролетариата, возникли в итоге революционного творчества масс, то ВЧК, взявшая под защиту власть этих Советов, явилась результатом творческой деятельности партии, которой в процессе социалистических преобразований пришлось идти неизведанным историческим путем.

Кроме того, специфический характер решения задач обеспечения безопасности Советской власти от происков контрреволюции, поддерживавшейся империалистическими разведками, также с самого начала потребовал от чекистов проявления творчества и инициативы в оперативной деятельности. Чтобы победить в бескомпромиссной схватке, чекистам надо было быть изобретательнее и дальновиднее врага, располагавшего всем предшествующим разведывательным и контрразведывательным опытом. Не случайно в «Азбуке контрразведчика», подготовленной в ВЧК и использовавшейся в качестве пособия для обучения молодых сотрудников основам чекистского дела, говорилось: «На разведку и контрразведку не следует смотреть как на ремесло — это в полном смысле слова искусство...»[1].

Творческий характер деятельности советских органов государственной безопасности не терял своего значения ни в один из периодов их истории. Особенно актуальным он является сейчас, когда наряду с обеспечением безопасности Советского государства на них возложена защита интересов общества развитого социализма, где идет процесс углубления социалистической демократии.

[1] Сборник КГБ, 1973, № 3, с. 103.

В современных условиях чекисты должны особенно тщательно заботиться об эффективности и точности каждой проводимой операции, проявлять политический подход к решению оперативных задач, совершенствовать формы и методы работы.

К этому их обязывает развитие событий на международной арене. В последнее время реакционные силы США и других стран НАТО обострили военно-политическую ситуацию в мире до предела. Сосредоточивая усилия на обеспечении милитаристского курса своих правительств, спецслужбы и подрывные центры империалистических государств резко активизировали враждебную деятельность против Советского Союза. Наращивая ее по двум основным направлениям (разведка и проведение акций идеологической диверсии), они стали действовать не только нагло, цинично, но и более коварно, широко применять все имеющиеся в их распоряжении разведывательно-подрывные средства.

С учетом требований XXVI съезда КПСС и особенностей складывающейся международной и оперативной обстановки на майском (1981 г.) Всесоюзном совещании руководящего состава органов и войск КГБ СССР в качестве одной из важных задач было названо изыскание «...наиболее эффективных путей и способов, позволяющих своевременно вскрывать не только классические приемы действий спецслужб, но и их новейшие ухищрения»[1]. При этом рекомендовалось «...осуществлять оперативно-чекистскую деятельность, как правило, наличными силами, за счет мобилизации таких резервов, как способности работников, их опыт, инициатива»[2].

Рассматривая эти общие для всех чекистов установки как прямое руководство к действию, коллектив Управления КГБ СССР по Ленинградской области настойчиво трудится над их выполнением.

Работа Управления проводится в условиях все расширяющихся подрывных устремлений империалистических спецслужб к Ленинграду как к одному из крупнейших научных, промышленных, транспортных и культурных центров страны. Противник все чаще пытается добыть информацию о ведущихся в городе и области разработках новых видов вооружения, о теоретических и прикладных исследованиях, имеющих оборонное значение. Повышенный интерес он проявляет к социально-политическому и экономическому положению в Ленинграде, к вопросам, связанным с деятельностью Ленинградской партийной организации. Более агрессивными стали его действия по всем основным направлениям идеологической диверсии.

Ведущая роль в разведывательно-подрывной деятельности принадлежит оперативной группе ЦРУ, действующей под прикрытием

---

[1] Андропов Ю. В. О задачах органов государственной безопасности в свете решений XXVI съезда КПСС.— В кн.: Деятельность органов государственной безопасности СССР на современном этапе. М., 1983, с. 40.

[2] Андропов Ю. В. О некоторых путях совершенствования деятельности органов государственной безопасности.— В кн.: Деятельность органов государственной безопасности СССР на современном этапе. М., 1983, с. 57.

генерального консульства США. Американские разведчики поддерживают тесные контакты с представителями спецслужб других находящихся в Ленинграде дипломатических представительств капиталистических государств.

Немаловажное значение для оперативной обстановки имеют регулярные посещения Ленинграда разведчиками из посольской резидентуры ЦРУ и усиление разведывательной деятельности сотрудниками аппаратов военных атташе США и других стран НАТО, аккредитованных в Москве.

С особой настойчивостью противник стремится использовать канал кратковременного въезда иностранцев в СССР, по которому наш город ежегодно посещают свыше 500 тысяч граждан капиталистических и развивающихся государств.

Эти и другие особенности оперативной обстановки в Ленинграде и области, выявляемые изменения в тактических приемах противника требуют от руководящего и оперативного состава Управления сосредоточить усилия на совершенствовании контрразведывательной деятельности, на обеспечении максимальной эффективности использования всех чекистских сил и средств. Поэтому развитию творчества и инициативы, являющихся важным резервом наиболее рационального решения стоящих задач, подчинены все формы работы с личным составом: расстановка кадров, воспитание и обучение сотрудников в процессе оперативной деятельности, их аттестование, система поощрения, внешкольная чекистская подготовка и другие.

Вопросам повышения творчества и инициативы сотрудников было посвящено специальное занятие семинара при начальнике УКГБ, проведенное в мае 1982 года по рекомендации Инспекторского управления КГБ СССР. Оно явилось одной из конкретных мер по выполнению выработанных Всесоюзным совещанием установок о необходимости в условиях возрастающей агрессивности империализма совершенствовать чекистскую деятельность и поднимать ее на уровень современных требований.

Учитывая важность и актуальность обсуждавшихся на семинаре вопросов, в нем приняли участие все руководящие работники Ленинградского управления КГБ до заместителя начальника отделения включительно, руководители особых отделов КГБ СССР по ордена Ленина Ленинградскому военному округу, Ленинградской Военно-Морской базе, Краснознаменному Северо-Западному пограничному округу, руководство Высших курсов повышения квалификации кадров КГБ СССР в Ленинграде.

Главная цель семинара состояла в том, чтобы, во-первых, побудить руководящий, а через него и оперативный состав к повышению творчества и инициативы в работе и, во-вторых, выявить уже имеющийся положительный опыт творческого решения служебных задач для его последующего обобщения и использования в оперативной деятельности. В связи с этим семинар не только способствовал более глубокому проникновению в проблематику творчества и инициативы в чекистской работе, вытекающую из специфики и политической направленности разведывательной и контрраз-

ведывательной деятельности органов КГБ на современном этапе, но и послужил хорошим стимулом для мобилизации сотрудников на практические дела.

Подводя некоторый итог мерам, предпринимаемым в этом направлении руководством и партийным комитетом Управления, можно констатировать, что личный состав стал стремиться решать сложные оперативные задачи нешаблонным путем, проявлять больше инициативы и новаторства в работе.

Одним из примеров такого подхода к делу может служить проведение 11 сентября 1983 года совместными усилиями Второго главного, Четвертого, Седьмого управлений КГБ СССР и Управления КГБ по Ленинградской области операции «Циклон» в отношении оперативной группы ЦРУ США в Ленинграде.

Как сообщалось в газете «Правда» от 12 сентября 1983 года, а затем по телевидению в программе «Время», при попытке изъятия из тайника контейнера со шпионскими материалами на сороковом километре Приморского шоссе, на пути из Зеленогорска в Ленинград, были захвачены с поличным американский разведчик Аугустенборг, занимавший по прикрытию должность вице-консула генерального консульства США в Ленинграде, и его жена. За проведение шпионской деятельности против СССР супруги Аугустенборг были выдворены из нашей страны.

Для осуществления операции по захвату американцев использовали ситуацию, сложившуюся по делу контрразведывательной операции «Румб» с участием агента «Яковлева». Полученные оперативные данные свидетельствовали о том, что этот агент после вербовки его американской разведкой стал проявлять элементы нечестности, с органами КГБ пытался вести двойную игру.

Учитывая данное обстоятельство, решили отвести «Яковлева» от намечавшейся американцами операции по связи в линии «агент—разведцентр», а создавшееся положение использовать для нанесения удара по опергруппе ЦРУ путем захвата американского разведчика с поличным при попытке изъять контейнер из тайника.

От оперативного работника, которому было поручено надежно изолировать «Яковлева» на период проведения чекистской операции, потребовалось немало смекалки, выдержки, психологического и даже актерского мастерства, чтобы не дать повода к возникновению у агента подозрений об истинных замыслах органов КГБ. Под предлогом кратковременного отдыха его вывезли за пределы Ленинграда. По условиям связи он должен был в течение субботы 10 сентября оставить контейнер (банку) с информацией возле осветительного столба непосредственно у обочины дороги, но предварительно завернуть в промасленную тряпку, то есть замаскировать под бросовый предмет. После закладки тайника агенту предписывалось немедленно вернуться в город и не позднее 22 часов этого же дня поставить метку (цифра 2) в обусловленном американцами месте. Было ясно, что, обнаружив эту метку, кто-то из сотрудников ЦРУ выйдет на операцию и изымет из тайника контейнер.

Таким образом, предстояло решить задачу со многими неизвестными: кто из американцев обнаружит метку, в какое точно время произойдет изъятие, кем конкретно, как он будет передвигаться — пешком или на автомашине и т. п.

Подготовка мероприятия по захвату осуществлялась в течение месяца. Детальный инструктаж выделенной для проведения операции группы руководящего состава и оперативных работников, четкая постановка целей и задач каждому ее участнику, уяснение политической и оперативной важности предстоящего мероприятия во многом способствовали проявлению таких профессиональных качеств сотрудников, как творчество, инициатива, изобретательность, чекистское мастерство, решительность, собранность и выдержка.

Предварительное изучение обстановки в пункте предстоящих действий показало, что естественные условия для конспиративного наблюдения за тайником полностью отсутствуют. Возможность создать легендированные посты наблюдения также исключалась, поскольку тайник располагался на оживленной международной автотрассе, по которой сотрудники генконсульства США регулярно выезжают на свою загородную дачу, и всякие изменения в районе операции могли насторожить американцев.

На помощь пришла инициатива личного состава, помноженная на накопленный опыт и знания. Она проявлялась практически на всех стадиях подготовки к операции. Все предложения сотрудников тщательно рассматривались ответственными лицами и утверждались руководством Управления. Целесообразность их применения проверялась на специально подобранном полигоне, где были смоделированы условия, близкие к реальным.

После экспериментальной проверки возможных способов изъятия противником тайниковой закладки мы сделали вывод, что при автомобильном варианте, который представлялся наиболее вероятным (впоследствии так оно и оказалось), понадобилось бы для проведения операции самое большее четыре секунды. Исходя из этого, наиболее приемлемой была признана система бункерного укрытия групп наблюдения и захвата разведчика в непосредственной близости от тайника.

Сотрудники Седьмой службы с учетом имевшегося уже опыта творчески, с большим мастерством и выдумкой разработали такое устройство бункера, которое позволяло длительное время находиться в нем и по сигналу в считанные секунды быть наверху для поимки разведчика с поличным. Три группы захвата ежедневно тренировались на полигоне, отрабатывая свои действия до автоматизма.

Предварительное изучение грунта в районе операции производилось специально изготовленными Седьмой службой складными бурами. Для создания трех бункеров требовалось быстро и скрытно от окружения изъять и вывезти 15 кубометров грунта (примерно 200 мешков, по 80—90 килограммов каждый), обеспечить сохранность верхнего покрова почвы, создать в бункерах систему жизнеобеспечения, сигнализации и наблюдения. Были использо-

ваны специальные кислородные аппараты, порошковые смеси для того, чтобы исключить привлечение внимания к бункерам собак, двойная проводная сигнализация от тайника, прямая телефонная связь со штабом операции, техника видеозаписи. Радиосвязь была исключена. В сложных условиях Карельского перешейка (лесистая, болотистая местность, большое количество отдыхающих, проходящий и часто останавливающийся в этом районе транспорт) надо было скрытно проложить 15 километров линий связи.

Все это было успешно сделано в основном в ночное время силами сотрудников Седьмой и Второй служб, не раз проявивших творчество и оперативную смекалку: техника видеозаписи была надежно закамуфлирована под валуны и дерн; прокладка кабеля через дорогу осуществлена при помощи служебной собаки, проползшей под шоссе через трубу для стока дождевых вод и протащившей за собой провод. Были и другие примеры творчества и изобретательности сотрудников.

Предусмотренные в ходе подготовки к операции меры полностью оправдали себя в реальной обстановке. Благодаря им участники группы захвата смогли, пробыв в бункере 17 часов, сохранить высокую физическую и моральную готовность, полностью контролировать обстановку и в нужный момент по команде штаба осуществить захват американцев.

Кроме основного варианта захвата предусматривались и запасные. Так, для воспрепятствования отъезду машины американцев от места проведения операции (если бы по каким-то причинам не удалось сразу их задержать) в распоряжении групп захвата имелись «ежи», перекрывающие шоссе в обоих направлениях. В случае изъятия тайниковой закладки в ночное время для ослепления водителя автомашины ряд сотрудников были вооружены переносными прожекторами, а в дневное время в этих целях по команде штаба могли быть применены специально изготовленные колбы (старые электролампы) с темной жидкостью, которые, легко разбиваясь о ветровое стекло и не повреждая его, лишали водителя возможности видеть дорогу и ориентироваться в обстановке. В полигонных условиях отрабатывался также вариант захвата разведчика с помощью специального устройства типа «капкан», который был изготовлен умельцами Седьмой службы. Он надежно удерживал руку изымающего контейнер, не причиняя ему физической травмы. Однако, ввиду того что на изъятие могла пойти женщина или ребенок, от использования «капкана» отказались.

Все это теперь находится в арсенале Седьмой службы и может быть применено в случае необходимости.

Немало изобретательности потребовалось при организации контроля за поведением членов опергруппы ЦРУ накануне и в день осуществления операции. Все имевшиеся агентурно-оперативные возможности были задействованы с таким расчетом, чтобы, не вызывая подозрений у американцев, фиксировать их передвижение, контакты друг с другом и психологическое состояние.

Учитывалось также и то обстоятельство, что генконсульство США в Ленинграде расположено вблизи здания УКГБ и мимо

него проходят маршруты американских дипломатов. Поэтому накануне и в день операции (выходные дни) было полностью исключено скопление около Управления оперативного автотранспорта, сведена до минимума освещенность в кабинетах сотрудников в вечернее и ночное время.

В качестве пункта сбора для окончательного инструктажа и экипировки участников операции был выбран офицерский клуб одной из воинских частей за пределами Ленинграда в стороне от Приморского шоссе, в зоне, закрытой для проезда иностранцев. Присутствие в нем значительного количества сотрудников КГБ, скопление автомашин и различного снаряжения перед командованием части легендировалось проведением учебной чекистско-войсковой операции по борьбе с диверсионно-разведывательными группами противника (такие учения в этом районе часты). Сосредоточение личного состава и штаба на месте проведения операции осуществлялось строго по графику и в соответствии с отработанным порядком, скрытно, по разным автотрассам, закрытым для передвижения иностранцев.

Действиями групп захвата и обеспечения руководил штаб, находившийся в укрытии непосредственно на месте операции. Он имел в своем распоряжении необходимые средства проводной связи, телевидения и сигнализации. В штаб также поступала информация от бригад наружного наблюдения, контролировавших обстановку на подъездах к месту операции, передвижение американцев в городе и на даче в Зеленогорске.

Субботний вечер, ночь и утро воскресенья до 10 часов прошли в напряженном ожидании. Все группы захвата и обеспечения находились на своих местах, не ослабляя внимания: несмотря на то, что передвижение и действия американцев контролировались, мог появиться неизвестный нам человек, который и произвел бы изъятие контейнера. Когда утром 11 сентября поступило сообщение с закрытого поста Седьмой службы о том, что метку в городе зафиксировал руководитель оперативной группы ЦРУ Мюллер, который на автомашине выехал в сторону района операции, стало ясно — события развиваются по желаемому нами варианту. Мюллер проследовал мимо места закладки контейнера и, не заметив ничего подозрительного в обстановке, направился на дачу генконсульства США, где его уже ждали Аугустенборг с супругой. Вице-консул и его жена давно находились под нашим постоянным наблюдением, поскольку их действия в городе свидетельствовали о том, что они имеют непосредственное отношение к подготовке и проведению тайниковых операций, и в частности той, о которой идет речь.

Машина Аугустенборга уже к 10 часам утра была готова к выезду.

Получив указание от Мюллера, он вместе с женой и ребенком направился в сторону места закладки тайника. В 11 часов 34 минуты американцы пошли на изъятие контейнера. Через 4 секунды их захватили с поличным. Это было настолько

неожиданным, что они не успели даже закрыться в автомашине и отъехать от места операции.

Ко всему сказанному остается лишь добавить, что в апреле 1984 года консул политико-экономического отдела генерального консульства США в Ленинграде Мюллер в связи с его личным участием в пресеченной разведывательной акции решением МИД СССР выдворен из Советского Союза. Эта мера предпринята в ответ на объявление американскими властями персоной нон-грата сотрудника советского представительства в Сан-Франциско.

Удачное решение задач, возникавших в ходе подготовки и проведения рассмотренной операции, еще раз подтвердило — успех возможен только при хорошо отлаженной организации работы, опирающейся на глубокое знание оперативной обстановки, наиболее рациональную расстановку сил и средств контрразведки в сочетании с творчеством и инициативой, основанными на профессиональном мастерстве и боевой выучке.

Не меньшее значение инициатива и творчество имеют при осуществлении мероприятий по пресечению разведывательной деятельности дипломатов, проводимой ими с так называемых легальных позиций. Здесь особенно важен творческий подход к использованию агентуры, искусная работа с непосредственным исполнителем замыслов — агентом. Без этого даже самые смелые намерения и планы могут остаться лишь схемой, не найти воплощения в практике.

Некоторое время назад генконсульство США в Ленинграде предприняло попытку резко активизировать разведывательную деятельность с легальных позиций. В связи с этим Управление подготовило и осуществило комплекс агентурно-оперативных мероприятий, позволивших разоблачить и пресечь враждебную деятельность дипломатов и скомпрометировать заместителя генконсула установленного сотрудника ЦРУ «Короля», руководителя отдела генконсульства «Фараона» и других американцев, также связанных со спецслужбой противника.

В разоблачении и компрометации «Короля» основную роль сыграл агент «Степанов», научный сотрудник. Наш помощник был заблаговременно включен в протокольный список и в соответствии с отработанной ему линией поведения широко общался с дипломатами, создавая о себе мнение как о несколько тщеславном, честолюбивом и одновременно разносторонне информированном человеке, располагающем влиятельными связями. Его ориентировали на сближение с «Королем».

Как и предполагалось, тот заинтересовался «Степановым». После всестороннего изучения и неоднократной проверки агента американец проникся уверенностью в успехе его вербовочной обработки. Прикрываясь интересами укрепления американо-советской дружбы и взаимного доверия на основе обмена информацией, «Король» приступил к втягиванию нашего негласного помощника в агентурные отношения, стал настойчиво выведывать у него от-

кровенно разведывательную информацию. Одновременно он в осторожной форме обучал «Степанова» элементам конспирации.

«Король» был уверен, что ему удалось приобрести ценного источника, о чем доложил своему руководству. Считая успех обеспеченным, разведчик, кроме того, с соблюдением мер конспирации в разное время брал с собой на встречи со «Степановым» двух других сотрудников, буквально демонстрируя им нашего агента как удачно приобретенного источника интересующих сведений.

В целях пресечения агентурной деятельности «Короля» по согласованию с центром было принято решение осуществить к американцу контрвербовочный подход. При любом исходе мероприятие должно было завершиться эффективно: в случае согласия на выдачу информации предполагалось развивать с ним контакт до агентурных отношений, в случае отказа он ставился перед необходимостью доложить об осуществлении к нему вербовочного подхода своему руководству, что само по себе означало его компрометацию как разведчика.

По нашему заданию «Степанов», продолжая играть роль дружелюбно настроенного к «Королю» человека, готового помогать ему в получении политической информации, на очередной встрече показал американцу еженедельник «За рубежом», где была помещена заметка из газеты одной африканской страны. Там сообщалось, что работавший ранее в посольстве США в этой стране американец («Король») является сотрудником ЦРУ. Якобы заботясь о собственной безопасности, «Степанов» попросил дипломата доверительно сообщить ему, действительно ли тот работает в ЦРУ. На заверения собеседника о непричастности к разведке «Степанов» вновь выразил ему свою готовность снабжать информацией, якобы необходимой американцу в связи с его дипломатической деятельностью. Одновременно агент попросил «Короля» назвать сотрудников разведки, которые работают в генеральном консульстве США в Ленинграде, мотивируя свою просьбу стремлением оградить себя от нежелательных контактов.

«Король», деморализованный неожиданным поворотом событий, признал, что в числе сотрудников генконсульства имеются разведчики, однако назвать их отказался, ссылаясь на то, что не знает. Такой результат диалога оставлял возможность для продолжения вербовочной беседы с разведчиком, хотя он под различными предлогами стал избегать встреч со «Степановым».

В целях завершения мероприятия и усиления давления на «Короля» от имени «Степанова» изготовили письмо, якобы предназначенное для газеты «Вашингтон пост», в котором его автор приводил ряд фактов, указывающих на попытку разведчика сделать из советского человека предателя Родины. Копию письма агент вручил американцу под тем предлогом, что никак не может получить от него вразумительного ответа относительно своей безопасности, но, несмотря на то, намерен вести себя по отношению к приятелю честно и открыто.

При этом учитывалось, что «Король» — небогатый человек, влиятельных связей в США, которые могли бы его поддержать, не

имеет и его карьера в разведке во многом зависит от стечения обстоятельств. Предполагалось, что он побоится огласки в печати своей разведывательной деятельности и, возможно, пойдет на компромисс со «Степановым», попытается успокоить его, сообщив некоторую информацию о сотрудниках ЦРУ в генконсульстве, что закрепит наши с ним отношения.

«Король» после встречи со «Степановым» вернулся домой возбужденный, а на следующий день доложил руководству о положении, в котором оказался. Вскоре он был вызван вместе с офицером безопасности генконсульства в региональный центр разведки во Франкфурте-на-Майне, а затем откомандирован в Соединенные Штаты. При отъезде из Ленинграда никто «Короля» не провожал, его коллеги были раздражены и не хотели компрометировать себя контактом с ним.

Эта операция внесла неуверенность в действия американских разведчиков и показала им, что завербовать честного советского человека — дело не простое.

Постоянной изобретательности, находчивости, умения предвидеть действия противника и своевременно учесть все изменения в обстановке требует работа по пресечению и документированию разведывательной деятельности сотрудников аппаратов военных атташе. Важную роль в проводимых в их отношении мероприятиях играет оперативная хитрость, которая, как известно, является одним из проявлений творчества. Умение ввести противника в заблуждение, эффективно использовать против него дезинформацию и противопоставить его самоуверенности внезапность тщательно отработанных контрмер — в этом суть оперативной хитрости.

Так, некоторое время назад для задержания с поличным сотрудников аппарата военно-морского атташе Великобритании Пайка и Клэпхэма (они вместе с женами последовательно объезжали все судостроительные заводы и фотографировали строящиеся военные корабли) потребовалось выманить проявлявших большую осторожность разведчиков и их жен из дипломатической автомашины. Причем для проведения мероприятия было нужно, чтобы они покинули автомобиль в оперативно благоприятной для нас ситуации, имея при себе все разведывательное снаряжение, в том числе отснятые фотопленки, хранившиеся в сумочках у женщин.

Для решения этой задачи был разработан и применен прием, рассчитанный на психологию разведчика, занимающегося визуальным наблюдением. В то время, когда англичане проезжали недалеко от Невы, на противоположной ее стороне, где размещается крупнейшее судостроительное предприятие — Ленинградское Адмиралтейское объединение, плавучим краном подняли на воздух большой буй белого цвета, имевший форму шара и довольно значительные размеры.

Необычный предмет заинтересовал англичан. Они все вышли из машины и не торопясь направились к парапету, чтобы рассмотреть этот предмет с более близкого расстояния.

В это время в их автомобиле быстро провели негласный обыск,

показавший, что всю разведывательную экипировку они взяли с собой. Вслед за тем разведчиков задержали.

Сложные задачи подразделениям Управления приходится решать и в процессе выполнения работы, связанной с защитой советского общества от идеологической диверсии противника. За последнее время предотвращены, например, его попытки возобновить деятельность так называемого «Свободного межпрофессионального объединения трудящихся» (организаторы его ориентировались на использование опыта антисоциалистических сил в Польше), возродить «феминистическое движение» в связи с якобы бесправным положением женщин в СССР. Привлечена к уголовной ответственности группа антисоветски настроенных лиц, установивших преступный контакт с НТС. Сорваны намерения националистических элементов создать под официальным прикрытием организацию просионистской направленности. Разоблачен и скомпрометирован ряд эмиссаров и исполнителей заданий зарубежных сионистских организаций.

Во всех случаях, когда при решении этих задач достигался планируемый результат, успех определялся высокой степенью творчества и инициативы оперативных работников, их умением нестандартно мыслить и решительно действовать в любых, в том числе в самых сложных и неожиданно складывающихся ситуациях, а также хорошим знанием и практическим применением оперативного наследия органов КГБ.

Весьма показательным с этой точки зрения можно считать комплекс агентурно-оперативных, следственных и контрпропагандистских мероприятий, осуществленных по делу на бывшего сотрудника газеты «Ленинградский рабочий» Репина, в мае 1983 года осужденного Ленинградским городским судом за измену Родине и антисоветскую агитацию и пропаганду. Являясь функционером, а затем распорядителем по Ленинграду финансируемого Центральным разведывательным управлением США так называемого «фонда помощи политзаключенным в СССР и их семьям», он в течение длительного времени был связан с зарубежными идеологическими центрами и по их заданию проводил враждебную Советскому государству работу. Занимаясь распределением средств «фонда», Репин стимулировал политически вредную деятельность лиц, отбывающих наказание за особо опасные государственные преступления, собирал и нелегально, через генконсульства США и Франции в Ленинграде, переправлял на Запад информацию секретного характера об исправительно-трудовых учреждениях МВД СССР, а также распространял в своем окружении литературу антисоветского и клеветнического содержания.

Из-за повышенной настороженности разрабатываемого его агентурное обеспечение представляло особую трудность. При совершении преступных действий Репин всегда прибегал к различным методам конспирации. Так, разговоры в квартире с единомышленниками и даже с женой он вел с помощью карандаша и бумаги или специальных приспособлений для кратковременных записей, стараясь обезопасить себя при этом от визуального на-

блюдения с использованием технических средств; для наиболее важных разговоров он уводил собеседника на улицу в малолюдное и легко просматривающееся место, чтобы избежать слухового контроля и одновременно выявить возможное наружное наблюдение; при уходе из дома запоминал положение отдельных предметов и оставлял различные ловушки для обнаружения следов проведения у него негласного обыска. Вполне понятно, что в связи с проявлявшейся Репиным подозрительностью подставить ему или приобрести нужного агента из его близкого окружения было непросто.

Тем не менее эту задачу решили благодаря хорошему знанию обстановки по делу и умению творчески применять накопленный органами КГБ опыт осуществления агентурных комбинаций в объективно складывающихся благоприятных условиях.

Такая ситуация сложилась в период, когда Репин был еще рядовым функционером «фонда», а распределением в Ленинграде его средств занимался ранее судимый за антисоветскую деятельность «Янус». Готовясь к выезду из СССР за границу на постоянное жительство, последний намеревался передать Репину все свои функции и полномочия распорядителя. Как раз в это время были получены данные о настойчивых попытках «Януса» как представителя «фонда» установить контакт с неким Новиковым, отбывавшим наказание в следственном изоляторе ГУВД Ленгорисполкома за совершение преступления, предусмотренного ст. 190[1] УК РСФСР. При этом стало известно, что Новиков, не зная «Януса», от контакта с ним уклоняется, а письма оставляет без ответа. «Янус» же, полагая, что его письма изымаются администрацией изолятора, обратился к прокурору Ленинграда с соответствующей жалобой и просьбой принять необходимые меры.

Предварительное изучение Новикова показало, что он глубоко раскаивается в совершенном преступлении и твердо встал на путь исправления. С учетом указанных обстоятельств с ним был установлен личный контакт для решения вопроса о возможности использования в интересах органов КГБ, а затем и осуществлена его вербовка в качестве агента под псевдонимом «Смирнов».

В записке, которую «Смирнов» по нашему заданию направил из заключения «Янусу» по якобы налаженному агентом нелегальному каналу, говорилось, что он хотел бы знать причины, побудившие того к установлению с ним контакта. Воспользовавшись для ответа тем же каналом (считая его действительно нелегальным), «Янус» в своем письме указал, что наш источник интересует его как пострадавший от Советской власти, которому должна оказываться поддержка со стороны «фонда помощи политзаключенным в СССР и их семьям». Он также сообщал, что в ближайшее время выезжает из Советского Союза и в связи с этим рекомендует «Смирнову» после освобождения из ИТК обратиться от его имени по указываемому адресу к Репину (тот заменит его как распорядитель «фонда»).

Наш агент, действуя в соответствии с данной рекомендацией, сразу же после отбытия срока наказания («Янус» в это время уже

находился за границей и подвизался на радиостанции «Свобода») связался с Репиным. Последний, будучи предупрежден об этом, встретил его доброжелательно и без каких-либо подозрений. Введенный таким образом в разработку Репина и правильно соблюдая отработанную ему линию поведения, «Смирнов» в дальнейшем стал пользоваться большим доверием нового распорядителя «фонда». Через него удалось получить для предварительной оценки материалы антисоветского и клеветнического содержания, которые хранил и распространял Репин, выяснить характер собираемой им для передачи за границу информации, создать условия для официального документирования ряда конкретных фактов враждебной деятельности объекта непосредственно перед его арестом.

В процессе разработки Репина также творчески был решен и ряд других оперативных вопросов, что позволило привлечь его к уголовной ответственности. Однако и после этого задача максимального раскрытия совершенных Репиным преступлений, сбора доказательств и полного его изобличения не стала легче. Она лишь в большей степени легла на плечи следователей.

Практика работы следственного отдела Ленинградского управления свидетельствует о том, что в последнее время враждебные элементы при совершении таких государственных преступлений, как измена Родине и антисоветская агитация и пропаганда, отходя от типичных форм борьбы, все чаще прибегают к различного рода ухищрениям. Понятно, что раскрывать такие преступления в одиночку чрезвычайно сложно, а иногда и просто невозможно. Успех здесь приходит в результате коллективных усилий, тесного взаимодействия оперативных работников и следователей. И все-таки одним из решающих условий расследования указанных преступлений являются безупречные личные и деловые качества следователя. Он должен обладать незаурядными способностями, аналитическим складом ума, высоким профессиональным мастерством, умением гибко применять его на практике, быть идейно закаленным. Уголовное дело на Репина подтвердило это со всей очевидностью.

Ввиду того что в результате первоначальных следственных действий у Репина была изъята антисоветская литература и добыты доказательства, изобличающие его в неоднократном распространении такой литературы, на него возбудили уголовное дело по ст. 70 УК РСФСР. Вместе с тем при обысках у объекта и его связей были изъяты «Вопросник сведений о местах заключения», содержащий около 70 вопросов об ИТУ МВД СССР; «Список политзаключенных», включающий сведения на 500 с лишним лиц, осужденных за государственные и иные преступления, с подробными характеризующими данными на них; некоторые отчетные документы «фонда помощи политзаключенным в СССР и их семьям», а также условные записи, анализ которых давал возможность сделать вывод, что они являются перечнем документов какого-то обширного архива. Содержание «вопросника» позволяло предположить, что он составлен за границей, а экспертная комиссия МВД СССР пришла к заключению, что собранные с его помощью сведе-

ния в масштабе союзной республики составляют государственную тайну. На этом основании была выдвинута версия о поддержании Репиным устойчивой связи со спецслужбами противника, по заданию которых он собирал и отправлял на Запад секретные сведения и антисоветские документы, а материалы, подтверждающие сделанное предположение, находятся в его архиве.

Перед следствием встала задача установить местонахождение архива Репина и изъять его. Ее выполнение осложнялось тем, что сам обвиняемый в течение нескольких месяцев отказывался от дачи показаний. Отказывались давать показания и его ближайшие связи, осведомленные о месте хранения архива. Первое время не давала результатов и внутрикамерная разработка Репина, несмотря на поочередный ввод в нее нескольких опытных агентов органов КГБ.

Было совершенно очевидно, что прежде всего следует установить с обвиняемым психологический контакт. Для этого требовалось преодолеть его откровенно враждебное отношение к органам государственной безопасности и убедить в целесообразности отказа от той негативной линии поведения, которую он выдерживал в полном соответствии с издаваемыми за рубежом «инструкциями» и «памятками».

Прогресс в этом вопросе был отмечен после того, как следователи в работе с Репиным стали принимать в расчет психологические особенности его личности: природную общительность, определенные этические устои, некоторые присущие ему мировоззренческие установки, в частности нетерпимость к аморальным поступкам, отрицательное отношение к проявлениям бесхозяйственности и т. п. Большую роль также сыграли тактичное и ровное отношение следователей к обвиняемому, правдивость в общении с ним, детальная аргументация высказываемой точки зрения. Выводы следствия базировались на вещественных доказательствах и других документальных материалах. В повседневной работе с Репиным следователи не торопились, они проявляли искреннее желание разобраться в сложившихся обстоятельствах не формально, а по существу вместе с самим обвиняемым. Порой между ним и следователями возникали дискуссии по самому широкому кругу вопросов, в том числе касающихся так называемого «правозащитного движения». Не уклоняясь от таких дискуссий, следователи умело использовали различные публикации советской прессы, материалы других уголовных дел на лиц, занимавшихся враждебной деятельностью, в том числе заявления отдельных из них с публичным осуждением этой деятельности. Так, постепенно шаг за шагом следователи разбивали негативные установки Репина, разоружали его идейно.

Эти мероприятия со временем дали положительные результаты. Репин начал пересматривать занятую им на следствии позицию и по отдельным эпизодам дела стал давать показания. Однако говорить о своем архиве он по-прежнему отказывался, отрицая поначалу даже сам факт его существования.

В этой ситуации помогло творческое использование возможностей, которыми располагало следствие. Дело в том, что из анализа изъятых при обысках у Репина и его связей материалов было ясно: архив, по крайней мере частично, состоит из документов, подобных находящимся в распоряжении следствия. Это обстоятельство без каких-либо ложных заверений было решено использовать для формирования у обвиняемого представления, что архив или его значительная часть уже изъяты органами госбезопасности, в связи с чем уклоняться от дачи правдивых показаний не имеет смысла. По делу были назначены криминалистические экспертизы, а в актах без ссылок на конкретные места изъятия и лиц, причастных к хранению, фигурировали материалы, подобные тем, которые могли находиться в архиве Репина. Знакомясь как обвиняемый с результатами экспертиз, он поинтересовался источниками получения названных в актах материалов. Ему ответили, что они изъяты по его уголовному делу. Такой ответ полностью соответствовал действительности. Кроме того, создавались условия, когда Репин во время допросов мог как бы случайно увидеть у следователя отдельные документы из архива. Проводилась и другая работа в этом направлении.

Под влиянием указанных мер у обвиняемого сложилось мнение, что его архив полностью изъят, и он признал факт его существования, пояснив, что место хранения знает его жена. Эти показания были предъявлены последней. После длительных размышлений она назвала жителя Ленинграда (ему отказано в выезде за границу), имевшего непосредственное отношение к хранению архива. Так, в результате коллективных усилий следователей и оперативных работников местонахождение принадлежавшего Репину архива удалось установить (как оказалось, он хранился в закрытом металлическом распределительном электрощите на чердаке дома, находившегося на капитальном ремонте). Материалы его позволили подтвердить версию об изменнической деятельности обвиняемого.

Полученные доказательства создали базу для подготовки и осуществления в общепрофилактических целях комплекса контрпропагандистских мероприятий с использованием средств массовой информации. Поэтому на завершающем этапе следствие по уголовному делу, внутрикамерная разработка Репина и агентурно-оперативные мероприятия в отношении его связей из жителей Ленинграда, причастных к деятельности «фонда помощи политзаключенным в СССР и их семьям», были направлены на создание условий для склонения разрабатываемого к полному разоружению. В результате Репин сделал органам КГБ заявление, в котором осудил свою антисоветскую деятельность, разоблачил лиц, в том числе иностранцев, оказывавших ему помощь в ее проведении, и раскрыл враждебную сущность «фонда» в целом. При этом дал согласие выступить с заявлением публично.

С учетом изложенного в течение 1983 года Ленинградским телевидением была подготовлена и выпущена в эфир серия передач. В них использовались видеозапись выступления Репина с указан-

ным заявлением и другие материалы, раскрывавшие подрывную деятельность «фонда» и инспираторскую роль ЦРУ США. Кроме того, через возможности печати и ТАСС в контрпропагандистских мероприятиях по компрометации «фонда» и причастных к нему лиц были использованы материалы судебного процесса над Репиным (в ходе его в полном объеме была доказана враждебная деятельность подсудимого, квалифицированная п. «а» ст. 64 и ч. I ст. 70 УК РСФСР).

Конечно, так эффективно заканчиваются не все дела, находящиеся в производстве подразделений Управления. Более того, можно было бы привести факты и, к сожалению, не единичные, когда отступления от принципов творческого подхода к ведению дел оперативного учета приводили к тому, что отдельным лицам в течение длительного времени удавалось наносить определенный ущерб интересам безопасности нашей страны. Так, более 10 лет находился в поле зрения органов КГБ разрабатываемый Мейлах, бывший научный сотрудник одного из ленинградских учреждений Академии наук СССР, который, установив преступную связь с эмиссарами НТС, занимался антисоветской деятельностью. Однако разработка его велась неквалифицированно, связи Мейлаха тщательно не изучались, материалы дела должным образом не анализировались, а проводимые в отношении его мероприятия из-за плохой подготовки не оказывали нужного эффекта. К тому же оперработники недооценили тот факт, что ранее Мейлах поспешно профилактировался органами КГБ и извлек для себя из этого определенный урок.

Неглубокая проверка связей Мейлаха привела к тому, что дела на них велись различными подразделениями без учета материалов на разрабатываемого. Вследствие этого реализация дела путем ареста его связи — «Дельца» — позволила объекту уничтожить часть вещественных доказательств или надежно их спрятать. Допущенные просчеты затруднили осуществление мероприятий по пресечению его враждебной деятельности. И только в результате вмешательства руководства Управления и активизации работы по делу удалось собрать достаточные доказательства преступной деятельности Мейлаха и предать его суду.

В Управлении делается все необходимое, чтобы постоянно росло профессиональное мастерство сотрудников, чтобы подобных случаев в практике было как можно меньше, чтобы весь личный состав психологически перестроился на исключительно творческий и инициативный труд, то есть был бы настроен на работу, как мы говорим, по-фронтовому, с максимальной эффективностью. Это во многом зависит от того, правильно ли выбраны точки приложения усилий, сосредоточено ли внимание на тех участках, где в первую очередь требуется настойчивая и последовательная работа с оперативным составом по формированию и развитию у него необходимых профессиональных качеств и умения на их основе наилучшим образом выполнять порученные обязанности.

Важную, если не сказать решающую, роль в этом деле играет стиль работы руководящего состава.

Большую роль в органах госбезопасности играет начальник отделения. Он непосредственно организует и контролирует оперативно-служебную деятельность в первичном коллективе, где рождаются все наши результаты, занимается повседневным воспитанием и обучением подчиненных, сам активно участвует в агентурно-оперативном процессе. Ему, непосредственному начальнику, должно быть присуще умение учитывать индивидуальные особенности подчиненных и основывать свою требовательность на реальной оценке возможностей каждого.

А эти возможности весьма разные: одним достаточно только поставить задачу, а уж они сами найдут наиболее оптимальный способ ее решения; другим нужно подсказать направление решения; третьи нуждаются в конкретной помощи и при определении путей решения задачи, и при ее реализации. Одни сотрудники в состоянии быть генераторами новых идей, но испытывают затруднения в их практическом претворении. Другие, наоборот, обладают способностью перерабатывать и дополнять необходимыми деталями плохо сформулированные или нечетко сформировавшиеся идеи своих коллег, доводить их до завершения. Третьи — хорошо подготовлены в профессиональном отношении, но не идут на риск в поисках новых решений. Организующая функция непосредственного начальника в том и состоит, чтобы знать возможности каждого и путем их правильного сочетания и наиболее целесообразного применения обеспечить творческую работоспособность коллектива в целом.

Чтобы правильно организовать и творчески осуществлять оперативную работу, от чекиста требуется: хорошее знание противника, форм и методов его подрывной деятельности, технической оснащенности, умение анализировать, давать объективную оценку оперативной обстановке и результатам своего труда. В нашем деле, более чем где-либо, все зависит от условий, места, времени и средств. Конкретная оперативная обстановка, как правило, отличается большим своеобразием: она меняется необычайно быстро и в точности никогда не повторяется. Поэтому нет и никогда не будет раз и навсегда выработанных рекомендаций, застывших формул деятельности. Чекист должен в максимальной степени учитывать своеобразие конкретной обстановки, быстро взвешивать все «за» и «против» и, сообразуясь с общими принципами работы органов КГБ, действовать в зависимости от развития событий. Для этого нужны умение охватить широкий круг вопросов, проникнуть в суть происходящего и способность к прогнозированию и предвидению. Нельзя не вспомнить в связи с этим слова В. И. Ленина о том, что «мы должны постоянно проверять себя, *изучая* цепь политических событий в их целом, их причинной связи, их результатах»[1]. И еще: «Нельзя научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня, если нам вчерашний опыт не открыл глаза на неправильность старых приемов»[2].

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 257.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 205.

Разумеется, если руководитель хочет побудить подчиненных к творческой работе, к поиску нового, он обязан создавать для этого необходимые условия: обеспечить им право на риск, воспитать твердую идейную убежденность, обостренное чувство ответственности за порученное дело, высокую сознательную дисциплину.

Под обеспечением права на риск следует понимать то, что начальник не должен наказывать оперативных работников за ошибки, допущенные в ходе поиска новых путей решения задач, в результате проявления ими творчества и инициативы.

Особо надо сказать о дисциплине. На первый взгляд может показаться, что инициатива, являющаяся важнейшей предпосылкой творчества, и строгая дисциплина — это взаимоисключающие понятия. Однако в действительности между ними существует нерасторжимая диалектическая связь. Без дисциплины никакая слаженная, тем более максимально эффективная деятельность чекистских коллективов невозможна. Именно дисциплина, а стало быть и непреклонная решимость даже при самых неблагоприятных обстоятельствах выполнить свой долг побуждает к поиску наиболее рациональных решений, а порой и помогает найти выход из, казалось бы, безвыходного положения. Не случайно Председатель КГБ СССР товарищ В. М. Чебриков в январе 1983 года, говоря о роли дисциплины в нынешней сложной международной и оперативной обстановке, подчеркнул: «Дисциплина для чекиста — это в первую очередь твердое соблюдение партийных норм поведения, неукоснительное соблюдение советских законов, уставных требований; это четкое и глубоко осознанное выполнение приказов КГБ, указаний непосредственных начальников, сочетаемое с творческим подходом к делу и разумной инициативой... Нам нужна дисциплина внутренняя, дисциплина глубоко осознанная, дисциплина, предполагающая творчество и инициативу исполнителя, его нацеленность на конечный результат»[1].

Вопросам формирования в органах государственной безопасности подлинно партийной, деловой и творческой атмосферы самое пристальное внимание уделял Юрий Владимирович Андропов, внесший огромный вклад в дальнейшее развитие ленинских принципов работы органов КГБ, в теоретическое обоснование их роли и места на этапе развитого социализма. Он настойчиво и последовательно принимал меры, чтобы деятельность чекистов была пронизана духом новаторства и активного поиска, сориентирована на решение стоящих задач оптимальным путем, при наименьших затратах сил и средств, постоянно заботился о создании для этого необходимых условий. Сформулированные им требования к развитию творчества и инициативы в оперативной деятельности в концентрированном виде нашли свое выражение в установках майского (1981 г.) Всесоюзного совещания руководящего состава орга-

[1] В кн.: Деятельность органов государственной безопасности СССР на современном этапе. М., 1983, с. 132.

нов и войск КГБ СССР, которые и в настоящее время определяют стратегические направления работы чекистских аппаратов.

Выступая на внеочередном февральском (1984 г.) Пленуме ЦК КПСС, отметившем большие заслуги Юрия Владимировича Андропова перед партией и советским народом, Генеральный секретарь ЦК нашей партии товарищ К. У. Черненко указал, что «продолжать и коллективными усилиями двигать дальше начатую под руководством Юрия Владимировича работу — лучший способ воздать должное его памяти, обеспечить преемственность в политике». При этом он подчеркнул, что «преемственность — не отвлеченное понятие, а живое, реальное дело. И суть ее прежде всего в том, чтобы, не останавливаясь, идти вперед. Идти, опираясь на все достигнутое раньше, творчески обогащая его...»[1].

Это в полной мере относится и к органам государственной безопасности.

Ленинградскими чекистами накоплен большой опыт успешной борьбы с классовыми врагами Советской власти. Это накладывает на сотрудников Управления КГБ ответственную обязанность быть достойными славных боевых и трудовых традиций, творчески развивать и обогащать их.

В настоящее время усилия чекистов сосредоточены на поиске новых резервов в работе по реализации задач, вытекающих для органов КГБ из решений XXVI съезда КПСС, последующих Пленумов ЦК нашей партии, положений и выводов, содержащихся в выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС товарища К. У. Черненко. Выполняя свой долг, чекисты города Ленина будут и впредь делать все для того, чтобы успешно решать задачи обеспечения государственной безопасности на основе всемерного развития творчества и инициативы в оперативной деятельности.

гор. Ленинград

АГЕНТ «ЭРВИН» В ОПЕРАТИВНОЙ ИГРЕ «КОЛЛЕГИ»

Генерал-майор В. НОВИЦКИЙ,
капитан С. КУЗНЕЦОВ

В 1977 году Управлением КГБ по гор. Москве и Московской области была завершена оперативная игра «Коллеги». В ходе ее проведена крупномасштабная операция по разоблачению и пресечению разведывательно-подрывной деятельности американской разведки, пытавшейся создать на нашей территории опорные пункты «легальной оппозиции», чтобы с их помощью вести антисо-

[1] «Коммунист», 1984, № 3, с. 8.

ветскую работу и собирать разведывательную информацию о военно-промышленном потенциале СССР.

Успех операции стал возможным благодаря внедрению в агентурную сеть посольской резидентуры ЦРУ в Москве агента Второй службы Управления. В результате правильного руководства негласным помощником удалось вскрыть подрывную деятельность ряда американских дипломатов-разведчиков, а также их связей из еврейских националистов. Полученные материалы позволили выявить и разоблачить американского шпиона, еврейского националиста Щаранского, осужденного Верховным судом РСФСР по п. «а» ст. 64 УК РСФСР. Это в комплексе с другими мероприятиями Комитета госбезопасности предопределило крах активно складывавшегося антисоветского группирования и так называемой «хельсинкской группы», одним из лидеров которых был Щаранский.

В ту пору на оперативную обстановку в Москве оказывали влияние муссирование противником им же придуманного «еврейского вопроса» и попытки консолидации отщепенцев — просионистски настроенных еврейских националистов.

Принятыми КГБ мерами группирование удалось несколько ослабить за счет обострения разногласий тактического характера между отдельными звеньями. Например, одни из них, находясь на общих антисоветских позициях, выступали за «силовые акции», то есть за всякого рода демонстрации протеста, пикетирование государственных учреждений, направление писем в инстанции, другие же внешне ратовали за «более лояльный» по отношению к властям способ действия, но с упором на апелляцию к различным международным организациям, правительствам и западному общественному мнению.

«Авторитеты» группирования установили контакт со спецслужбами противника, и в первую очередь с резидентурой ЦРУ, действующей под прикрытием американского посольства в Москве. Дипломатической почтой, а также по каналам иностранных информационных агентств из Советского Союза на Запад переправляли призывы, обращения, воззвания, содержавшие грубые нападки и клевету на советский государственный и общественный строй, на национальную политику Коммунистической партии и Советского правительства. Вместе с тем ряд лиц, которым было отказано в выезде за границу, активно вступали в контакты с западными дипломатами и корреспондентами, заезжими эмиссарами сионистских и эмигрантских центров. По месту прежней работы они имели доступ к сведениям, составляющим государственную и военную тайну, что создавало реальную угрозу утечки к противнику секретных данных об оборонном потенциале Советского Союза.

Перед УКГБ встала задача взять под тщательный контроль планы и действия руководителей и других активных участников группирования, вскрыть механизм их связей с пропагандистскими и специальными службами противника, конкретные факты сбора разведывательной информации и т. п.

К этому времени органы госбезопасности располагали определенными сведениями о формах и тактике деятельности еврейских националистов. Было установлено, что активисты, зная о некоторых средствах и методах работы КГБ, чему в немалой степени способствовали западные спецслужбы, тщательно оберегали свою среду от проникновения нашей агентуры, скрупулезно изучали и проверяли лиц, впервые вступавших с ними в контакт, в результате чего, кстати сказать, в ряде случаев вышли на некоторых агентов органов КГБ.

С учетом сложности и важности поставленной цели было решено ввести в разработку агента, способного решать отнюдь не ординарные задачи. После тщательного изучения выбор пал на «Эрвина».

В апреле 1972 года он обратился в Управление с заявлением о том, что некий Компанеец, добившись разрешения на выезд в Израиль, склоняет его к тому же, и предложил свою помощь органам КГБ.

В то время «Эрвин» работал заместителем председателя медкомиссии одной из медико-санитарных частей, имел степень кандидата медицинских наук, проживал в пригороде Москвы, занимал половину частного дома. От дальних родственников из США он получил часть наследства и приобрел в личное пользование автомобиль ГАЗ-24.

«Эрвин» — выходец из еврейской семьи. Его дед, в прошлом казначей ташкентской синагоги, культивировал в семье еврейские национальные обычаи и обряды, выучил внука языку идиш. Отец в 1964 году был осужден на 15 лет за хищение социалистической собственности в крупных размерах. Будучи интеллектуально развитым, обладая солидной научной подготовкой, «Эрвин» являлся хорошим собеседником, в меру общительным.

Все это указывало на то, что по своим личным и деловым качествам, «традиционному» воспитанию, служебному положению и материальному достатку он мог заинтересовать еврейских националистов.

Зная, что любая ошибка негласного помощника в этой среде чревата самыми серьезными последствиями, первоначально ему поручали задания, не связанные непосредственно с выходом на руководителей группирования. Анализ представленных им сообщений и сопоставление их с данными, полученными из других источников, позволили сделать вывод об объективности информации агента, проверить правильность его поведения, соблюдение конспирации.

В ходе поэтапного внедрения «Эрвина» совершенствовалось его политическое воспитание. По рекомендации оперативного работника он знакомился с материалами печати по контрсионистской пропаганде, изучал литературу о советской национальной политике. Отношение к прочитанному, степень его усвоения были темами бесед на явках с агентом. При этом делался акцент на разоблачении несостоятельности аргументов и положений сионистской идеологии, политики и практики международного сионизма.

особенно применительно к конкретным событиям внутри страны и на мировой арене.

Естественно, что на начальном этапе внедрения «Эрвина» в националистическую среду главным являлось развитие у него оперативных способностей, контрразведывательных навыков и умений. С момента ввода агента в разработку наиболее экстремистской части еврейских националистов его деятельность находилась под пристальным вниманием руководства УКГБ, оказывавшего в наиболее ответственные моменты необходимую помощь. Систематическая и действенная поддержка, личное участие руководителей в проведении явок с агентом, безусловно, оказали положительное влияние на совершенствование линии поведения «Эрвина» в изучаемой среде, на формирование и реализацию замысла контрразведывательной операции.

Учитывая важность решаемых задач, особое значение придавали надежной зашифровке негласного помощника, тщательному соблюдению конспирации в работе с ним. В этих целях встречи проводились на явочной квартире, где кроме «Эрвина» никто не принимался, на случай экстренной связи с использованием телефона действовала особая система условностей.

При определении агенту линии поведения в среде еврейских националистов постоянно учитывалась вероятность их провокационных действий для выявления его возможной причастности к органам КГБ. Поэтому «Эрвина» в разумных пределах ориентировали о применяемых враждебными элементами приемах и ухищрениях, отрабатывали с ним тактику поведения в подобных случаях.

Как и предполагалось, первоначально интерес к агенту у еврейских националистов был связан с его материальным достатком и служебным положением. Получив соответствующее разрешение, «Эрвин» оказал содействие сыну Слепака и так называемому секретарю Д. Азбеля — Шифрину в получении международных водительских прав. В одном из разговоров с Шифриным агент упомянул о том, что отец, предвидя возможный арест, якобы «успел кое-что припрятать». Его новый знакомый, имевший на руках разрешение на выезд в Израиль и нуждавшийся в деньгах, увидел в «Эрвине» «дойную корову». Желая подвести под это «идейную базу», он всячески подчеркивал свою значимость, ввел агента в курс дел группирования, взаимоотношений ее авторитетов с западными корреспондентами и другими иностранцами, а затем познакомил с Азбелем, Лернером и активной националисткой Гальпериной.

Чем ближе продвигался «Эрвин» к главарям еврейских националистов, тем тщательнее они его проверяли. Особую активность проявляла Гальперина. Ее интересовал как сам агент, так и его близкие и знакомые, детали биографии, места проживания, настроения, даваемая им оценка политических событий. Выполняя задания органов КГБ на сближение с Гальпериной, «Эрвин» рассказал ей о своем деде, о том «традиционном» воспитании, которое тот дал внуку, прочел на языке идиш две молитвы.

В разговорах с «Эрвиным» Гальперина рассуждала о сионизме, о «великой» миссии Израиля в объединении евреев, об «обязанностях» каждого еврея оказывать помощь израильскому государству и его друзьям, инструктировала агента о том, что ему следует «оставаться в тени», не подписывать никаких писем, воззваний и т. п., то есть не быть «знаменосцем движения», не стремиться к расширению круга знакомых, а держаться только ее и тех «верных» людей, каких она ему укажет. По мнению Гальпериной, это должно помочь «Эрвину» избежать неприятностей и встреч со «стукачами» КГБ.

По мере сближения с главарями росло в националистической среде доверие к «Эрвину». Смелый и решительный по натуре, агент обладал такими чертами характера, которые вожаки группирования желали бы видеть у единомышленников.

Близость «Эрвина» с Шифриным, а также протежирование Гальпериной помогли нашему источнику после выезда Шифрина за рубеж занять его место возле Азбеля. Ему удалось по-настоящему упрочить свое положение после проведения в феврале 1974 года так называемой «голодовки», организованной Азбелем, Рубиным и Галацким.

Азбель и Рубин в силу установившихся близких отношений соответственно с западными корреспондентами и американскими дипломатами представляли серьезный интерес для органов КГБ.

Доктор химических наук, профессор Азбель, в общей сложности 16 лет отбывавший наказание за антисоветскую деятельность, придерживался крайне националистических убеждений, враждебно относился к советской действительности. Будучи осужден, он в 1940 году сблизился с находившимся в местах лишения свободы участником троцкистской оппозиции Раковским, которого считал затем своим учителем. Азбель не без оснований называл себя «патриархом движения за выезд в Израиль», что, правда, не помешало ему при первой же возможности отправиться не в Израиль, а в США. Являясь авторитетом в среде еврейских националистов, он организовывал провокационные «пресс-конференции» для представителей буржуазной печати по так называемому «еврейскому вопросу в СССР» и принимал в них активное участие; используя канал международной телефонной связи, систематически передавал за рубеж, в частности американским сенаторам Джексону и Рибикову, члену английского парламента лорду Джанеру, тенденциозную информацию.

Кандидат исторических наук, специалист по истории древнего Китая, Рубин, которому в январе 1972 года отказали в выезде за границу, был известен органам КГБ как хозяин квартиры, игравшей роль своего рода «салона» еврейских националистов. Этот «салон» посещали и представители западных информационных агентств, эмиссары зарубежных сионистских организаций, а также сотрудники американского посольства в Москве С. Стайнер, М. Левицки, Д. Пресел, Э. Натансон, Д. Хаф, политический советник, руководитель политического отдела посольства М. Бремет и другие. Сотрудник отдела разведки и исследований госдепар-

тамента США А. Брамберг, находившийся в Москве в качестве гостя американского посольства, тоже навещал хозяина «салона». Неоднократно бывал у Рубина известный американский советолог, ярый антисоветчик Р. Пайпс, впоследствии занявший пост старшего советника по вопросам СССР совета национальной безопасности в администрации Рейгана.

О том, что в круг интересов хозяина «салона» входила не только «борьба за права человека», но и осуществление акций непосредственного подрыва экономической и оборонной мощи СССР, свидетельствовал один из изъятых у Рубина в мае 1973 года во время обыска документов с претенциозным названием «Не пора ли задуматься? — обращение к евреям, работающим в оборонной промышленности», призывавший к проведению организованного саботажа и вредительства.

Такая «подвижническая» деятельность Рубина неплохо оплачивалась: без учета вещевых посылок и лично передаваемых «презентов» только за период с апреля 1973 по август 1975 года на его имя пришло из различных капиталистических стран через Внешпосылторг 23 денежных перевода на общую сумму около 2200 инвалютных рублей. Причем эти деньги не подлежали «дележу» с другими националистами, а предназначались исключительно Рубину.

Азбель и Рубин давно были для противника своими людьми. Любая предпринимаемая ими акция, направленная против интересов Советского Союза, находила полное понимание на Западе и получала там широкую и действенную поддержку. Естественно, что организованная объектами совместно с художником Галацким так называемая голодовка, являясь по существу провокацией с целью дать новый импульс антисоветской кампании о «преследовании лиц еврейской национальности в СССР», была акцией, спланированной и подготовленной с участием представителей буржуазной прессы и спецслужб США и Израиля. В этой ситуации «Эрвин» должен был, выполняя роль наблюдавшего за голодовкой врача, одновременно осуществлять связь между участниками голодовки и внешним миром, то есть обеспечивать контакт между Рубиным, Азбелем, Галацким и западными корреспондентами, аккредитованными в Москве.

По указанию УКГБ агент в течение февраля—апреля 1974 года конспиративно провел с американскими корреспондентами Джеймсом, Моссли и Криссом несколько встреч в целях контроля за их связями и укрепления доверия к себе, сообщил корреспондентам о ходе голодовки, а также ответил на некоторые интересовавшие их вопросы.

Постепенно у «Эрвина» сложились близкие отношения с Воронелем, Лунцем, Слепаком, Щаранским, Браиловским и другими активными еврейскими националистами. Такая способность агента, как умение ладить с людьми независимо от их взаимоотношений между собой, помогала установлению доверительных отношений «Эрвина» с лидерами противоборствующих группировок.

В мае 1974 года Азбель выехал на постоянное жительство в США. Перед отъездом он передал «Эрвину» свой личный научный архив, состоявший из значительного количества авторефератов докторских и кандидатских диссертаций, статей по вопросам химического машиностроения и физики. В соответствии с достигнутой договоренностью агент должен был переправить этот архив в США.

После того как выяснилось, что материалы архива не содержат секретов и потому передача их за границу не нанесет ущерба СССР, агенту рекомендовали рассказать о данном ему Азбелем поручении связанному с ЦРУ второму секретарю американского посольства М. Левицки, установлению отношений с которым способствовал Рубин.

После нескольких встреч на квартире Рубина, проведенных под слуховым контролем, было отмечено, что американец весьма заинтересовался «Эрвиным». Дипломат выяснял возможности агента, идеологически обрабатывал его, уточнял биографические данные, назначил и с соблюдением конспирации осуществил несколько встреч в различных местах города. Представителя ЦРУ особенно интересовала информация «Эрвина» об архиве Азбеля, его просьба оказать содействие в пересылке материалов в США.

Стало заметным усиленное внимание к нашему негласному помощнику Рубина и его жены Аксельрод. Они настойчиво расспрашивали агента о его планах, изучали взгляды и настроение, связи агента, пытались выяснить, какими возможностями он располагает для сбора секретной и иной информации.

Анализ всех этих обстоятельств позволил сделать вывод о вероятной подготовке американцами вербовки «Эрвина». В создавшейся оперативно выгодной для органов КГБ ситуации было принято решение провести мероприятия, способствующие укреплению доверия спецслужб США к «Эрвину».

Агенту разрешили передать архив Азбеля за рубеж через Левицки, что помимо прочего дало возможность взять под контроль выявленный канал связи еврейских националистов с заграницей.

Поскольку в марте и мае 1974 года из Израиля на имя агента дважды направлялись приглашения, ему было рекомендовано подать в ОВИР ГУВД Мосгорисполкома заявление о выезде в Израиль на постоянное жительство со всеми членами семьи. После прохождения документов через соответствующие инстанции он получил официальный отказ в выезде по режимным соображениям. В качестве мотива было избрано то обстоятельство, что агент как врач имеет отношение к освидетельствованию допризывников и лиц, демобилизованных из Советской Армии, и якобы знает дислокацию ряда воинских частей.

В тот же период «Эрвин» с целью облегчить выполнение заданий попросил, чтобы УКГБ установило оперативный контакт с его женой. Ей было разъяснено, что муж помогает органам КГБ в решении вопросов государственной важности, и высказана просьба оказывать ему содействие.

Учитывая, что после подачи «Эрвиным» заявления в ГУВД Мосгорисполкома о выезде в Израиль руководство медсанчасти, где он работал, понизило его в должности (с заместителя председателя медкомиссии до рядового врача), было принято решение для возмещения разницы в зарплате и в качестве поощрения выплачивать ему ежемесячное вознаграждение в сумме 80 рублей.

Такое проявление заботы оказало на агента благоприятное воздействие.

Подача документов на выезд в Израиль, официальный отказ, а также «репрессии» администрации по месту работы повысили доверие американцев к «Эрвину» и позволили агенту еще более укрепить свое положение среди националистов.

В январе 1975 года источник сообщил о расколе, который произошел в группировании националистов. Особенно осложнились отношения в среде так называемых «технократов» между группировками, возглавляемыми доктором физико-математических наук М. Азбелем (однофамильцем выехавшего в США Д. Азбеля) и кандидатом физико-математических наук Лунцем. Основная причина разногласий — стремление Лунца полностью подчинить себе группировки «технократов» и стать во главе всего группирования. Углублению раскола способствовало неприязненное отношение Лунца и его окружения к лицам еврейской национальности, вынашивающим намерение выехать на постоянное жительство не в Израиль, а в другие капиталистические страны, а также несправедливое, с точки зрения М. Азбеля, распределение валютных средств, поступающих из-за рубежа, вскрытые им факты присвоения валюты Лунцем и его группой.

Для компрометации Лунца Азбель обратился к «Эрвину» с просьбой помочь передать за границу порочащие того сведения. Его посредничество в данном вопросе отвечало интересам госбезопасности. Сообщив М. Левицки на одной из встреч об этих противоречиях, «Эрвин» вскользь упомянул, что располагает не подлежащей публикации в открытой печати информацией и готов передать ее.

Вскоре «Эрвину» из США позвонил Д. Азбель. В завуалированной форме он дал понять, что в ближайшее время с ним будут вести важный разговор. 7 февраля 1975 года на квартире Рубина, оставшись один на один с агентом, Левицки напомнил ему о звонке Азбеля, после чего передал от него записку. В ней Азбель настоятельно призывал его оказать всемерное содействие американским друзьям. Тут же Левицки вручил «Эрвину» два конверта: в одном находилась инструкция американской разведки, в другом — вопросы, касающиеся его друга, главного инженера одного из ведущих НИИ, через которого необходимо было добыть разведывательную информацию о состоянии работ в области электроники.

Ознакомившись с содержанием конвертов, «Эрвин» вернул их Левицки. Несколько раз переспросив, все ли агент понял, Левицки тут же сжег послание от Азбеля, а инструкцию растворил в чашке с кофе. После этого он передал объекту контейнер с вложенной

в него пленкой, где был текст о связи с разведкой с помощью тайников, их описание, места нахождения в различных районах Москвы и условия использования. Здесь же ставились вопросы об интересующей американскую разведку секретной информации.

Учитывая, что пунктуальное выполнение «Эрвиным» поручения ЦРУ нанесло бы ущерб интересам СССР, было решено оттянуть «добывание» информации по указанному вопроснику.

На следующей встрече с американцем «Эрвин» по заданию органов КГБ сообщил Левицки, что его отношения с интересующим американских друзей лицом на нынешней стадии не позволяют выполнить данное ему поручение. Не отрицая возможности использовать его в интересах американской разведки, «Эрвин» попросил некоторое время для подготовки и разрешение пользоваться предложенным американцами каналом связи через тайники для передачи собранной им информации.

Спустя несколько дней Левицки сообщил «Эрвину» о готовности американской разведки принять через тайник первую информацию агента, а также высказал пожелание временно прекратить с ним личные встречи и рекомендовал отойти от активной националистической деятельности.

С марта по сентябрь 1975 года с санкции Комитета государственной безопасности СССР «Эрвин» в различных районах Москвы провел четыре тайниковые операции по связи с американской разведкой.

На данном этапе оперативной игры с участием агента решались следующие задачи: укрепление у противника мнения о готовности «Эрвина» продолжать сотрудничество с ним (в этих целях агент передал противнику наименование пяти работ, ведущихся якобы в интересующем американскую разведку НИИ, и фотокопию технического задания на научно-исследовательскую работу того же НИИ, содержание которых носило дезинформационный характер); выявление конкретных разведывательных интересов ЦРУ в области радиоэлектронного потенциала СССР. В сентябре 1975 года американская разведка через тайник переслала «Эрвину» развернутый вопросник — более 100 вопросов, касающихся изготовления в СССР клистронов большой мощности для радиолокационного наведения, разработок аппаратуры связи для подводных лодок и ряда других проблем.

Отвлекая силы и средства противника на работу с «Эрвиным», московские чекисты получили дополнительные данные о тактике и методах работы посольской резидентуры американской разведки в Москве, выявили дипломатов-разведчиков США, принимавших непосредственное участие в осуществлении акций по организации и проведению агентурной связи. Действия последних с помощью специальной киноаппаратуры были засняты и таким образом задокументированы.

Настойчивое побуждение «Эрвина» к практическим шпионским действиям, рекомендация отойти от непосредственной националистической деятельности не могли не сказаться на снижении активности агента в разработке Рубина и других главарей, что в конеч-

ном счете ставило органы КГБ в невыгодное положение. В связи с этим принимается решение скорректировать линию поведения источника, определив его роль не как шпиона ЦРУ, изолированного от интересующей КГБ среды, а как лица, тесно связывающего себя с еврейскими националистами и только во имя их «общих интересов» готового сотрудничать с американскими спецслужбами. Тем самым достигалась цель, не идя на поводу у американской разведки, не выпуская из рук инициативу, навязывать противнику наши условия игры.

По подсказке из-за океана в мае 1976 года антисоветчиком Ю. Орловым в Москве была создана так называемая «группа содействия выполнению хельсинкских соглашений в СССР». В нее наряду с ревизионистскими элементами вошли сионисты Рубин, Щаранский, Слепак. Противником предпринимались усилия, направленные на официальное признание «группы» правительственными органами западных стран. Так, во время беседы, состоявшейся в сентябре 1976 года между Орловым и первым секретарем политического отдела посольства США в Москве Р. Комбсом, обсуждался вопрос о необходимости официального признания «группы» госдепартаментом США и об использовании американцами передаваемой ею информации на уровне правительств и глав государств.

На базе «группы» предполагалось объединить враждебно настроенных ревизионистов, националистов, сионистов, церковников и сектантов. В октябре—ноябре 1976 года были предприняты конкретные шаги по созданию «подгрупп» на Украине, в Грузии, Армении и Литве.

Таким образом, создание «хельсинкских групп», а по существу организационных антисоветских звеньев, по замыслам противника, должно было привести к появлению в СССР «легальной оппозиции».

С учетом складывающейся оперативной обстановки руководство УКГБ признало целесообразным вновь активно использовать агента в среде еврейских националистов.

В феврале 1976 года на квартире Слепака «Эрвин» принял участие во встрече с американским сенатором Бруком. Кроме хозяина квартиры в беседе с сенатором участвовали Лернер, Рубин, Щаранский и Бейлина.

В июне 1976 года Рубин в связи с предстоящим выездом из СССР предложил «Эрвину» войти вместо него в «хельсинкскую группу» и обсуждал этот вопрос с Орловым. 5 июня через Рубина агент познакомился с Орловым на его квартире. Умело реализуя отработанную ему линию поведения, «Эрвин» отказался войти в «комитет Орлова», но, формально не являясь его членом, сумел так построить свои отношения с рядом активистов «группы», что был в курсе большинства решений, принимаемых враждебными элементами.

Перед выездом в Израиль Рубин, как и Азбель, оставил свой архив «Эрвину», а вскоре Щаранский передал агенту на хранение весь архив еврейских националистов. Укрепились отношения источ-

ника с американскими дипломатами Д. Преселом и Э. Натансон, тесно связанными с еврейскими националистами.

В целях создания условий для более эффективного использования «Эрвина» в интересах органов КГБ, его глубокой зашифровки, завоевания еще большего доверия еврейских националистов и ревизионистских элементов в соответствии с рекомендацией оперработника агент уволился с работы. С санкции КГБ СССР он был взят органами госбезопасности на полное обеспечение.

Осенью 1976 года «Эрвин» сообщил содержание нескольких писем Рубина, направленных по каналам ЦРУ из США в Москву. Вновь подтвердилось, что зарубежные сионистские организации действуют под контролем американской разведки и что посольская резидентура противника непосредственно направляет враждебную деятельность еврейских националистов внутри страны.

Информируя о своих контактах на Западе, Рубин обращал внимание единомышленников, прежде всего Щаранского, Лернера, «Эрвина» и Слепака, на необходимость повысить активность, разжигать интерес американцев к советским евреям, расширить контакты с эмиссарами различных зарубежных сионистских центров.

Под предлогом организовать через конгресс США кампанию о запрещении продажи американского оборудования институтам, где ранее работали лица, которым было отказано в выезде за рубеж, Рубин настоятельно призывал еврейских националистов приступить к составлению и направлению в США по надежным каналам анкет на ученых, инженеров и других граждан, негативно относящихся к советскому строю. В них требовалось указать установочные данные, научные труды, тематику, над которой работают учреждения, их открытое и условное наименование и т. п.

В связи с возрастанием роли в подрывной работе против СССР активного еврейского националиста члена «хельсинкской группы» Щаранского «Эрвина» направили на его изучение. В результате проведенной при содействии агента оперативной комбинации органам КГБ удалось поселить Щаранского и «Эрвина» в оборудованную оперативной техникой квартиру, что обеспечило эффективный контроль за практической деятельностью разрабатываемого по выполнению указаний американской разведки.

К концу 1976 года складывающаяся оперативная обстановка характеризовалась, с одной стороны, поступательным наращиванием антисоветской кампании на Западе «в защиту» лиц еврейской национальности и так называемого «демократического движения» в СССР, а с другой — дальнейшим усилением подрывной деятельности главарей еврейских националистов, безнаказанность действий которых в свою очередь стимулировала появление других антиобщественных элементов.

В этих условиях в целях пресечения попыток противника создать в Советском Союзе «легальную оппозицию» руководство Управления по согласованию с КГБ СССР приняло решение о реализации оперативной игры «Коллеги».

В марте 1977 года одновременно с арестом Щаранского в газете «Известия» публикуется открытое письмо «Эрвина» в адрес

Верховного Совета СССР, конгресса США и Организации Объединенных Наций. Это письмо, другие материалы газеты, подготовленные Управлением, фотографии шпионской экипировки, переданной через тайники американской разведкой своему агенту, полностью разоблачили перед мировой общественностью ЦРУ США и его посольскую резидентуру в СССР, инспирировавших и направлявших подрывную работу еврейских националистов А. Щаранского, В. Рубина, А. Лернера, Д. Азбеля и других.

Публикация имела широкий резонанс. В деятельности посольства США в Москве наблюдались замешательство и растерянность. Разоблачения, сделанные «Эрвиным», вызвали шок в среде еврейских националистов.

О силе эффекта, произведенного письмом, говорит тот факт, что его содержание продолжали долго комментировать на Западе. Через год в газете «Вашингтон пост» ее бывший корреспондент в Москве П. Оснос, давая оценку происшедшему, сравнил сделанные «Эрвиным» разоблачения со «взрывом бомбы на идеологическом фронте борьбы Востока и Запада». В редакционной статье той же газеты в связи с признанием первым заместителем председателя совета национальной безопасности США Д. Ларона вербовки ЦРУ «Эрвина» о Щаранском говорится уже как об одном из лидеров «антисоветского движения диссидентов».

Таким образом, на заключительной стадии оперативной игры были решены следующие задачи:

перед мировой общественностью разоблачены попытки спецслужб США использовать хельсинкские договоренности для вмешательства во внутренние дела СССР;

подорвана деятельность группирований еврейских националистов, их главари скомпрометированы как платные агенты американской разведки;

продемонстрирована несостоятельность попыток создания в СССР антисоветской оппозиции;

подтвержден принцип незыблемости советского законодательства, неотвратимости кары за участие в подрывной деятельности против Советского государства.

В результате правильного руководства агентом в ходе оперативной игры «Коллеги» были получены данные, расширившие представление о методах и формах работы американской разведки. Публикацией в центральной прессе материалов, разоблачающих еврейских националистов и «борцов за права человека», а фактически платных подручных спецслужб противника, был развеян миф о существовании «легальной оппозиции» в нашей стране.

За активное участие в специальных мероприятиях органов госбезопасности в 1979 году по ходатайству КГБ СССР агент «Эрвин» был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

гор. Москва

АГЕНТУРА В БОРЬБЕ С ВРАЖДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Полковник Г. БАДАСЯН,
подполковник Н. ТЕУВАЖУКОВ

Отличительной особенностью оперативной обстановки в Кабардино-Балкарской АССР являются устойчивые связи отдельных жителей республики с кабардино-черкесской эмиграцией в Турции, Иордании, Сирии, США и ФРГ, что приходится учитывать при определении содержания и направленности контрразведывательной и разведывательной работы.

Положение кабардино-черкесов в названных странах неодинаково. В Турции, где таких эмигрантов насчитывается более полумиллиона, их земляческие формирования строго контролируются полицией и спецслужбами. Определенная часть эмигрантов состоит в различных политических партиях, находится в армии, а некоторые сумели попасть в парламент страны. В Иордании кабардино-черкесы пользуются особым покровительством короля, многие из них занимают различные посты в правительственных учреждениях (в том числе в МИД), вооруженных силах, в органах безопасности. В аналогичном положении находятся представители северо-кавказской эмиграции в Сирии. В США они представляют собой замкнутую среду, подвергаются усиленной антисоветской обработке, в результате чего там функционирует ряд крикливых организаций, которые сотрудничают с ЦРУ и ФБР и проявляют себя с позиций оголтелого антикоммунизма.

В Турции, Иордании и Сирии также действует немало враждебно и националистически настроенных организаций и групп, оказывающих негативное влияние на процессы в среде прогрессивной эмиграции, симпатизирующей Советскому Союзу. Комитет госбезопасности Кабардино-Балкарии постоянно имеет в виду все эти обстоятельства при организации агентурной работы на данном направлении.

Поступающие к нам оперативные материалы свидетельствуют о том, что расширение культурных и этнических связей с родиной выходцев из Кабардино-Балкарии разведки главного противника все активнее пытаются использовать в подрывной деятельности против Советского Союза. За последнее время выявлен ряд официальных сотрудников спецслужб ближневосточных стран, которые включались в эмигрантские группы, посещавшие республику по различным каналам. В Иордании в системе «Мухабарата» (орган безопасности) создано специальное подразделение для работы среди кабардино-черкесов и советских граждан, посещающих эту страну. Сотрудниками указанного подразделения являются, как правило, кабардинцы и черкесы. Задания агентуре, направляемой

«Мухабаратом» в числе студентов в нашу страну, корректируются резидентурой ЦРУ в Аммане.

Многие эмигранты пытаются уклониться от разработанной им программы пребывания в СССР под предлогом встречи со своими родственниками, и это им нередко удается. В свою очередь советские граждане видят в их лице своих соотечественников, ведут себя с ними просто, ослабляют бдительность, рассказывая иногда неподлежащие оглашению сведения.

В соответствии с установками КГБ СССР руководящий и оперативный состав Комитета республики сосредоточивает усилия на формировании высококачественного агентурного аппарата, чтобы структура и расстановка его полностью отвечали объему и характеру задач, решаемых на этом участке чекистской деятельности. Сейчас мы располагаем 80 достаточно квалифицированными агентами. Пересмотрены и уточнены возможности каждого из них, разработаны планы обучения и воспитания. Использование агентов в работе среди эмигрантов осуществляется дифференцированно, в зависимости от общественного положения, возможностей и деловых качеств негласного сотрудника.

Практика показывает, что наиболее результативно работают агенты, участвующие в изучении иностранцев с нейтральных позиций. Например, по частному приглашению в Нальчик прибыл гражданин Турции «Шекер», служащий агентства морского сообщения, кабардинец. Отец «Шекера» занимает видное положение в армии. Для глубокой разработки иностранца после тщательной подготовки через его связь из советских граждан к изучению «Шекера» был подключен агент «Шазо». Строго придерживаясь отработанной линии поведения, наш помощник успешно развил контакт с изучаемым, выяснил, что тот лишь стремится показать себя прогрессивно настроенным, лояльно относящимся к Советскому Союзу человеком, но таковым не является. «Шекер» доверительно сообщил агенту, что перед выездом в СССР два работника тайной полиции, один из которых черкес, предложили ему во время поездки в СССР собрать разведывательную информацию. Однако он это предложение якобы не принял. «Шекер» просил агента снабдить его большим количеством литературы, в том числе политической, которую он беспрепятственно провезет, так как имеет знакомых в таможне. Поведение и действия объекта свидетельствовали, что турецкие спецслужбы принимают меры для выяснения замыслов органов КГБ в отношении эмиграции и подставляют его нам на вербовку.

В соответствии с указанием Второго главного управления КГБ в разработку прибывшего из США по индивидуальному туру «Бадрова», кабардинца, выехавшего в 1972 году при помощи эмиссара «толстовского фонда» из Сирии в Америку, также на нейтральной основе был введен агент «Заур». Иностранец проявил повышенный интерес к нашему источнику, пытался получить от него характеристики некоторых режимных предприятий. Благодаря гибкой тактике при общении с изучаемым агенту удалось выявить, что у «Бадрова» два паспорта — сирийский и полученный в США

на лицо без гражданства. В беседах с иностранцем «Заур» собрал также подробную информацию о существующих в США кабардино-черкесских обществах, их составе, руководителях, проводимой ими антисоветской деятельности.

На собственном опыте мы убедились, что особое внимание следует уделять политическому воспитанию агентов, используемых при изучении прибывающих в республику эмигрантов, формированию у них высокой идейной убежденности, привитию необходимых морально-волевых качеств.

Так, в ходе проверки связей объекта оперативной подборки эмигранта «Адвоката», подозреваемого в причастности к спецслужбам противника, был выявлен его однофамилец, преподаватель высшего учебного заведения. Это обстоятельство послужило основой для вербовки агента «Санова» как лица, способного благодаря тождеству фамилий[1] быстро установить доверительные отношения с «Адвокатом». Дальнейшие события подтвердили правильность этого выбора. В работе с «Сановым» значительное внимание мы уделили его политической подготовке, которая позволила ему противостоять враждебному влиянию, правильно ориентироваться в сложной обстановке. На встречах вместе с ним отрабатывалась линия поведения с «Адвокатом», с использованием примеров обсуждались вопросы, касающиеся положения в странах Ближнего Востока, политики СССР в отношении этих государств, направленности подрывной деятельности администрации США и западных спецслужб.

Осуществленные мероприятия позволили за сравнительно короткий срок приобщить агента к активному и осознанному сотрудничеству с органами КГБ. Он успешно участвовал в изучении «Адвоката», сумел получить представлявшую оперативный интерес информацию о личности объекта, выявить его стремление к сбору сведений политического и социального характера. Одновременно «Санов» создал условия для своего выезда за границу по приглашению «Адвоката».

Во время пребывания за рубежом агент полностью выполнил задание, добыл дополнительные данные, подтверждающие сведения о принадлежности изучаемого к спецслужбам противника.

Руководящий и оперативный состав уделяет много внимания расширению контрразведывательных возможностей агентуры, используемой в мероприятиях по разработке эмиграции. Для активизации работы агента «Арсена» ему создали условия для более частого общения с прибывающими в Кабардино-Балкарию эмигрантами. Первоначально он добывал информацию лишь общеполитического характера, а потом стал получать более конкретную — об отдельных землячествах и лицах. К предстоящим встречам с иностранцами его обстоятельно подготавливали. В результате у агента развивались такие качества, как умение завязывать нужные связи, добывать интересующие нас сведения. Конкрет-

[1] У народностей Северного Кавказа однофамильцы считаются принадлежащими к одному роду, то есть в какой-то мере родственниками.— *Прим. ред.*

ность, целенаправленность поручений пробудили у него повышенный интерес к сотрудничеству с органами КГБ. Сейчас наш помощник успешно участвует в изучении объектов заинтересованности КГБ республики.

За последние годы значительно возросло количество представителей кабардино-черкесской эмиграции, обучающихся в высших учебных заведениях Кабардино-Балкарии. В их среде установлены лица, которые информируют спецслужбы о поведении и деятельности студентов в СССР. Все эти информаторы разрабатываются нами в целях выявления возможно действующей агентуры разведок, особенно американской.

При контрразведывательной работе среди иностранных студентов мы уделяем серьезное внимание мерам, направленным на предупреждение враждебных акций с их стороны. Так, были получены данные, что студент из Иордании «Мануэль» допускает националистические суждения. Подведенный к нему на нейтральной основе агент «Николаев», в прошлом выходец из Иордании, подтвердил, что «Мануэль» заводит беседы с советскими студентами о создании на территории республики законспирированной националистической организации. В дальнейшем агенту удалось завоевать полное доверие «Мануэля» и убедить его в бесперспективности враждебных замыслов, побудить к отказу от их реализации.

Проводя работу по внедрению нашей агентуры в среду эмиграции, мы учитываем стремление иностранцев устанавливать контакты со своими родственниками. С использованием возможностей агентуры, направляемой нами за рубеж, был выявлен официальный сотрудник органов госбезопасности Иордании «Руководитель» — кабардинец, хорошо известный ряду эмигрантов. В процессе изучения удалось узнать, что его племянник «Перебежчик» обучается на медицинском факультете Кабардино-Балкарского государственного университета. Однофамильцем иностранца оказался наш агент «Салтан», врач по специальности. С учетом личных качеств и опыта сотрудничества «Салтану» разработали линию поведения, позволившую ему быстро наладить с «Перебежчиком» тесный контакт. Этому во многом способствовала «родственная» связь. При выезде нашего источника в туристскую поездку в Иорданию «Перебежчик» организовал ему встречу с «Руководителем». Контрразведчик принял агента как «родственника»; благоприятно сложившиеся обстоятельства позволили «Салтану» установить с ним доверительные отношения. Агент выяснил, что «Руководитель» осуществляет контрразведывательную работу среди советских граждан, посещающих Иорданию по различным каналам, часто выезжает в служебные командировки в США и Англию. Он сообщил агенту, что после окончания племянником учебы в СССР он намерен устроить его на работу официальным сотрудником в «Мухабарате» или направить на курсы в США.

С санкции Второго главного управления КГБ СССР с «Перебежчиком» установлен оперативный контакт от имени органов госбезопасности.

Учитывая устойчивые связи «Салтана» с лицами, заслуживаю-

щими серьезного внимания органов КГБ, он в 1983 году был направлен по каналу частного выезда за границу, где под руководством резидентуры в течение двух месяцев успешно выполнил ряд сложных заданий.

Работе с агентами, выезжающими за рубеж, мы уделяем особое внимание. За последние пять лет по различным каналам в страны проживания выходцев из Кабардино-Балкарии направлено более 40 агентов. Их выезду предшествовала обстоятельная подготовка. В результате получена оперативная информация как в отношении конкретных лиц, так и в целом об обстановке в среде эмиграции.

В этом плане заслуживает внимания работа с агентом «Исламом». После вербовки были предусмотрены мероприятия по его обучению и воспитанию, проводилась большая кропотливая работа по привитию ему необходимых навыков секретного сотрудничества. Степень усвоения материалов и мнение «Ислама» о прорабатываемых темах проверялись на явках. Теоретические вопросы тесно увязывались с практической деятельностью агента. Он активно привлекался к выполнению сначала простых, а затем все более сложных оперативных поручений. Постепенно «Ислам» приобрел навыки и умение осуществлять и закреплять контакты с лицами, представляющими интерес, конспиративно выведывать, анализировать и оценивать информацию, имеющую значение для органов КГБ.

Таким образом, перед поездкой по частным делам за границу «Ислам» был уже хорошо подготовлен. Он успешно справился с разработанным ему заданием, представил ценные в оперативном отношении материалы на ряд иностранцев, в том числе объектов нашей заинтересованности.

Положительные результаты дает целенаправленно организованная работа с теми агентами, которые являются выходцами из Иордании, Сирии и Турции или располагают в этих странах устойчивыми связями среди эмиграции, в том числе с высокопоставленными ее представителями и авторитетами. Привлеченный к сотрудничеству выходец из Иордании агент «Алеша» после тщательной проверки и подготовки стал активно использоваться в мероприятиях по изучению эмиграции за рубежом и на территории республики, что позволило добыть важную информацию по линии политической разведки, проблемам ближневосточного региона, а также о позиции Сирии и Иордании в арабо-израильском конфликте, положении в ООП, стремлении израильских властей привлечь некоторую часть кабардино-черкесов в странах Ближнего Востока к осуществлению своих милитаристских планов.

Однако такая агентура требует пристального внимания к себе, систематической работы по оказанию идеологического влияния, повседневного контроля и проверки.

Отмечая некоторые положительные моменты использования агентурного аппарата в мероприятиях, касающихся эмиграции, мы в то же время понимаем, что эта работа не в полной мере отвечает требованиям установок Всесоюзного совещания руководя-

щего состава (май 1981 года). Значительные резервы кроются в налаживании контактов с другими органами КГБ, которые ведут работу среди иностранных студентов, в частности из Иордании и Сирии. Основное направление совершенствования контрразведывательной деятельности Комитета и его подчиненных органов мы видим в глубоком усвоении и претворении в жизнь требований утвержденного Коллегией КГБ СССР Положения об агентурном аппарате и доверенных лицах органов госбезопасности.

гор. Нальчик

О ВВОДЕ АГЕНТА В РАЗРАБОТКУ

Подполковник Н. ФЕДОСЕНКО,
кандидат юридических наук

В Положении об агентурном аппарате и доверенных лицах органов государственной безопасности СССР, введенном в действие приказом Председателя КГБ СССР от 4 июля 1983 года № 00140, подчеркнуто, что агентура является основным средством чекистской деятельности и от ее правильного использования зависит качество и эффективность контрразведывательной работы в целом.

Анализ практики ведения дел оперативного учета убедительно показывает, что в подавляющем большинстве случаев, когда в изучении конкретных лиц использовались хорошо подготовленные агенты, успешно решались поставленные задачи, сокращались сроки разработки.

При вводе опытного негласного помощника органы КГБ получают реальную возможность своевременно выявлять тайные планы и замыслы враждебных элементов, предупреждать и пресекать их подрывную деятельность, оказывать на них выгодное нам влияние.

Непосредственному вводу в разработку обычно предшествует планирование, подбор нужного агента и создание благоприятных условий для его знакомства с объектом.

В плане, как правило, кратко излагается оперативная обстановка по делу, данные об объекте, дается характеристика нашего помощника, отмечается, какими возможностями он располагает для выполнения поставленных задач. Указывается здесь и способ его ввода в разработку, метод установления контакта с объектом, ситуация, в которой он должен произойти, тактика агента, меры по контролю за поведением негласного помощника (если это необходимо).

Названным требованиям отвечал, в частности, план ввода агента «Семина» в оперативную разработку «Отщепенца», которая велась и была успешно реализована одним из областных управлений КГБ Украины.

О разрабатываемом имелись сведения, что он ищет пути получения секретной информации для последующей передачи противнику. С учетом устремлений «Отщепенца» был подобран агент «Семин», инженер-конструктор одной из лабораторий научно-исследовательского института оборонного профиля, намеревавшийся поступить в аспирантуру для завершения работы над диссертацией. При этом оперативные сотрудники исходили из того, что человек, знающий важные государственные секреты, не мог не заинтересовать разрабатываемого, если он действительно занимался шпионской деятельностью. К тому же «Отщепенец» знал, что в НИИ, где работал агент, ведутся исследования закрытого характера.

Правильно была определена и тактика ввода агента. «Семин» предварительно познакомился с нашим доверенным лицом Орловым, используемым втемную. Последний являлся сотрудником аспирантуры, где предстояло учиться агенту, и поддерживал дружеские отношения с разрабатываемым, но интереса для «Отщепенца» не представлял, так как не располагал секретными сведениями. После знакомства с Орловым нашему помощнику следовало высказать озабоченность слабым знанием немецкого языка, по которому он должен сдавать в аспирантуре экзамен, и намерение найти преподавателя, чтобы брать уроки на дому. Предполагалось, что Орлов порекомендует обратиться к «Отщепенцу», в совершенстве владеющему тремя иностранными языками и подрабатывающему репетиторством. После закрепления контакта «Семин» в одной из бесед с объектом дела мог бы рассказать в общих чертах о месте своей службы. В случае проявления «Отщепенцем» интереса к характеру ведущихся в институте научных исследований источник под различными благовидными предлогами должен был уклоняться от разговоров на подобные темы.

Все произошло так, как планировали оперативные работники: агент в ходе занятий по немецкому языку установил с разрабатываемым хорошие взаимоотношения, что позволило ему добыть нужные для органов КГБ сведения. Затем «Семин» был выведен из разработки, а «Отщепенец» разоблачен как лицо, инициативно занимающееся шпионажем.

В зависимости от характера враждебной деятельности разрабатываемые по-разному строят взаимоотношения с окружающими людьми. Например, лица, занимающиеся антисоветской и националистической деятельностью, как правило, стремятся к установлению связей преимущественно с теми, кто разделяет их националистические взгляды и убеждения и кто отбывал наказание за подобные преступления. Так, объекты, проходившие по делу оперативного учета «Возрожденцы» (УКГБ по Тернопольской области), оказали теплый прием своему солагернику агенту «Смелому» и в первой же беседе с ним рассказали о возобновлении ими антисоветской националистической деятельности. Объект дела «Янус» (Второе управление КГБ Белорусской ССР), еврей по национальности, был осторожен в расширении круга своих знакомых, однако, несмотря на это, он проявил интерес к агенту той же нацио-

нальности «Фурману», разделявшему его отдельные националистические воззрения, и желание поддерживать с ним отношения.

Если объекты дела стремятся расширить круг своих преступных связей, то, как показывает практика, для ввода в их разработку наиболее целесообразно подбирать агента, который мог бы выступить в роли сочувствующего, единомышленника или соучастника их враждебной деятельности. Так, основываясь на стремлении объектов пополнить состав своей антисоветской организации, в разработку «Спадкоемцы» (УКГБ по Львовской области) был успешно введен агент «Томский», который, хотя и не дал согласия вступить в организацию, но, выступая в роли сочувствующего националистическим взглядам ее участников, пользовался у них полным доверием, а в разработку «Саботажники» (УКГБ по Ленинградской области) — агенты «Зеров» и «Кошевой».

Когда разрабатываемые в известной мере осведомлены о методах работы органов КГБ, проявляют излишнюю подозрительность и никого не посвящают в свои преступные замыслы, оперативный состав ориентируется на их потребности, не связанные с враждебной деятельностью, например: стремление приобрести вещь, предмет особого спроса, устроиться на работу, поступить учиться, добиться повышения по службе; увлечение искусством, литературой, спортом, филателией и т. п. Агент, вводимый в разработку таких лиц, должен обладать реальной возможностью или способностью оказать им соответствующую услугу или содействие либо иметь одинаковые увлечения с разрабатываемым. Для проверки националиста Пригуды (ранее отбывал наказание за антисоветскую деятельность), проявлявшего особую осторожность в выборе знакомых, сотрудники УКГБ по Львовской области успешно ввели агента «Гуменюка» на основе общего с объектом увлечения проблемами экономики и социологии.

Кроме того, осуществляя ввод агента, оперативный состав, как правило, исходит из задач, стоящих на данном этапе разработки. Например, своевременное и достаточно полное выявление враждебной деятельности разрабатываемых обычно требует подбора такого источника, который имел бы реальные возможности постоянно общаться с этими лицами на работе, в быту и пользовался у них таким авторитетом, чтобы они не могли совершить враждебные действия, предварительно не посоветовавшись или не обсудив их с нашим помощником.

При вводе агента в разработку важное значение имеет правильное сочетание естественно складывающихся по делу и искусственно создаваемых в необходимых случаях условий.

На наш взгляд, поучительным в этом плане является ввод агента «Овода» в оперативную разработку «Западники», реализованную одним из областных управлений КГБ СССР.

По указанному делу разрабатывалась группа лиц, занимавшихся националистической, антисоветской деятельностью. Особую активность проявлял работник авторемонтного завода Сауко (ранее привлекался к уголовной ответственности). Агент «Тарас», от которого поступила первичная информация о враждебных прояв-

лениях объектов, их доверием не пользовался, потому что поспешно отказался от предложения Сауко стать членом нелегальной организации. Попытка ввести в его разработку другого негласного помощника также закончилась неудачно, так как и этот агент под недостаточно убедительным предлогом отказался выполнить поручение Сауко.

Вскоре разрабатываемые стали высказывать намерение изготовить и распространить антисоветские листовки. В целях своевременного выявления враждебных замыслов, оказания на них выгодного органам КГБ влияния и пресечения их подрывных действий решили подключить к делу нового агента. Учитывая некоторую осведомленность Сауко о методах работы органов КГБ, было признано целесообразным маршрутировать негласного помощника из другого города. Соседним областным управлением КГБ был предложен «Овод», ранее неоднократно принимавший участие в мероприятиях по делам оперативного учета. Агент работал корреспондентом в местной газете, имел собственную автомашину, увлекался рыбной ловлей, был примерно одного возраста с объектом и той же национальности. Его отец ранее привлекался к уголовной ответственности за помощь националистическому банд-подполью.

Для направления «Овода» к месту жительства разрабатываемых использовали тяжелую болезнь его бабушки, жившей в этом городе в двухкомнатной квартире. Оформив очередной отпуск, он выехал к ней на своей автомашине.

Знакомство агента с Сауко было осуществлено при следующих обстоятельствах: обоих за нарушение правил уличного движения пригласили в одно и то же время в Госавтоинспекцию. Сауко вызвали через инспектора ГАИ, который по просьбе оперработника задержал его за проезд на красный свет светофора и отобрал у него водительские права. Первым на беседу пошел агент. В качестве сотрудника ГАИ выступал оперативный работник. После «пристрастной» беседы с ним «Овод», выйдя в коридор, разыграл роль обиженного гостя, выразил недовольство действиями местной милиции. Как и предполагалось, разрабатываемый сам вступил в разговор с агентом. Сочувствуя ему, он оскорбительно отозвался о работниках милиции. Выслушав Сауко, наш негласный помощник предложил «товарищу по несчастью» доставить его, куда тот пожелает.

По пути к месту работы объекта агент сообщил ему о цели своего пребывания в городе и высказал мысль, что, возможно, переедет сюда совсем. На вопрос разрабатываемого, почему именно он приехал к бабушке, а не его отец, «Овод» ответил, что отец умер, отбывая наказание в «отдаленных местах», и что теперь прямым наследником является он (соответствовало действительности). Сауко задал еще несколько уточняющих вопросов: где его отец отбывал наказание, за что, не знает ли «Овод» кого-либо из его солагерников. Расставаясь, он записал агенту свой адрес, телефон и убедительно просил позвонить.

При дальнейших встречах, которые происходили, как правило, по инициативе объекта, он подверг агента вначале замаскированной, а затем открытой враждебной обработке. Выполняя задание, «Овод» якобы под воздействием разрабатываемого и личной обиды за отца делал вид, что разделяет отдельные националистические взгляды Сауко. Объект, не сомневаясь в «преданности» агента, предложил ему вступить в нелегальную организацию, рассказал о ее программе и целях, познакомил с единомышленниками.

В последующем «Овод» оказал большую помощь органам КГБ в разработке Сауко и участников группирования. В частности, агенту удалось убедить их в нецелесообразности распространения листовок накануне 1 Мая, мотивируя это тем, что в предпраздничные дни органы власти обычно усиливают контроль. Подобные действия «Овода» сковывали инициативу националистов, порождали пассивность и предупреждали их отдельные враждебные проявления.

Примером недостаточного творческого подхода к созданию и использованию искусственных условий может служить ввод агента «Симонова» одним из областных управлений КГБ в разработку Девятина — автора антисоветского документа. Чтобы познакомить их, агента и объекта вызвали в военкомат и поручили совместно выполнить служебное задание. Разрабатываемый недоумевал, почему именно его привлекли к работе, которой он не знал, и всячески выражал недовольство этим. «Симонов», не учитывая настроения объекта, пытался познакомиться с ним. Разрабатываемый не проявил к нему интереса, и контакт не получил развития. Позже агент случайно встретил Девятина в городе и по своей инициативе решил снова попытаться сблизиться с ним. Когда он напомнил ему о совместном вызове в военкомат, тот подозрительно осмотрел агента и не стал с ним разговаривать. Несмотря на явное нежелание Девятина идти на контакт с «Симоновым», оперативный работник, узнав, что объект проходит курс лечения в местной больнице, еще раз предпринял попытку свести их. Негласного сотрудника поместили в одну палату с Девятиным, но и это, естественно, никаких результатов не дало.

Таким образом, успешный ввод агента в разработку во многом зависит от творческого отношения к делу и мастерства оперативного состава.

УХИЩРЕНИЯ КОНТРАБАНДИСТОВ

Полковник М. ГАЕВЕЦ,
подполковник Ю. КАВУН

В ночь на 17 ноября 1982 года при обходе территории Новороссийского лесного порта пограничный наряд заметил, как с одного из стоявших у причала под погрузкой судов что-то выгружают на

берег. Не совсем обычные в ночное время работы вызвали у пограничников подозрение. Подойдя ближе, они установили, что с иностранного теплохода «Катерине», плавающего под панамским флагом, сгружен пакет пиломатериалов, который представлял собой сложенный на салазки штабель досок длиною шесть метров, стянутых металлическими лентами-шинами. Об этом было сообщено в таможню.

Рано утром в присутствии представителей администрации порта таможенники стали разбирать пакет и обнаружили в нем тайник — полость, образованную за счет разницы в длине уложенных в середину досок. В нем в мешках было укрыто свыше 300 джинсов американского производства общей стоимостью около 30 000 рублей.

Наличие в тайнике большого количества контрабандного товара свидетельствовало об устойчивой преступной связи правонарушителей из работников лесного порта с моряками судна, а также о предварительной договоренности о доставке на территорию СССР теплоходом «Катерине» этой контрабанды.

Оперативно-следственная группа Отдела УКГБ по Краснодарскому краю по городу и порту Новороссийск, производившая осмотр места происшествия и другие первоначальные следственные действия, пришла к выводу, что причастные к совершению преступления лица обладали профессиональными навыками по складированию пиломатериалов, пользовались правом пребывать на борту иностранного судна, а также на режимной территории порта и, кроме того, отдавать распоряжения о выгрузке пакетов с борта теплохода на причал. Исходя из собранных материалов, была выдвинута одна из основных версий — о непременном участии в совершенном преступлении кого-то из ночной смены советских докеров и иностранных моряков. Ее целеустремленная разработка с использованием агентурных и других возможностей позволила в короткий срок изобличить совершивших это преступление работников лесного порта: Ефимова — стивидора (лицо, ведающее погрузкой и разгрузкой судов), Габуния — докера-механизатора и Карапетьяна — водителя технологического автотранспорта.

Как было установлено в процессе следствия, Ефимов, Габуния и Карапетьян объединились с тремя иностранными моряками с судна «Катерине» и создали преступную группу для совместного и неоднократного незаконного перемещения через государственную границу СССР промышленных товаров иностранного производства в целях личного обогащения. Материалы уголовного дела неопровержимо свидетельствовали, что состав преступной группы формировался с учетом возможностей каждого ее участника: Ефимов как стивидор мог не только посещать иностранные суда, но и в течение рабочей смены неограниченное время находиться на борту, отдавать распоряжения о погрузке лесоматериалов в трюм и их выгрузке, что он и использовал для доставки пакетов с оборудованными в них тайниками на борт теплохода, а затем при помощи иностранных моряков укрывал в тайниках контрабандные

товары и отправлял пакет обратно на берег; Габуния вступал в контакты с участниками преступной группы — иностранцами и обговаривал с ними время и способы перемещения товаров на причал; Карапетьян занимался транспортировкой к местам стоянки судов складированного в пакеты леса и его обратной вывозкой, что позволяло ему доставлять пакеты с устроенными в них тайниками непосредственно к судну, а затем вывозить контрабанду за пределы режимной территории порта.

Как показали обвиняемые, тайники в пакетах пиломатериалов они сооружали на территории грузовых районов порта с помощью неучтенной машинки для пакетирования. Карапетьян транспортировал этот пакет на причал, затем его поднимали на борт судна. Ефимов во время перерыва в работе бригады грузчиков совместно с иностранными моряками укрывал в тайнике контрабанду, а по окончании перерыва под благовидным предлогом (некондиционный лес, нарушение последовательности загрузки трюма и т. п.) отдавал распоряжение об обратной выгрузке пакета на берег. В нарушение установленных правил докеры выгружали пакеты по устному приказу Ефимова без документального оформления. Поднятый из трюма пакет Карапетьян отвозил в грузовой район порта и после извлечения из него контрабандных товаров переправлял их на своем легковом автомобиле за пределы режимной территории. Вывоз контрабандных товаров в город облегчал незаконно выданный Карапетьяну пропуск для въезда на режимную территорию на личной автомашине.

Опасаясь, что повторяющиеся в одной и той же бригаде грузчиков случаи выгрузки пакетов с лесоматериалами могут привлечь внимание пограничников или работников таможни, Ефимов несколько раз просил руководителей других бригад отдать распоряжение об отправке обратно на берег указанных им пакетов. Прибегая к помощи бригадира, Ефимов не посвящал его в деятельность преступной группы, а объяснял, что в пакете находится приобретенная им для себя у иностранных моряков бытовая радиоаппаратура. За оказанную услугу расплачивался деньгами.

Пользуясь бесконтрольностью со стороны должностных лиц порта, Ефимов и его сообщники в течение двух лет безнаказанно занимались контрабандной деятельностью и незаконными валютными сделками.

Помимо Ефимова, Габуния и Карапетьяна к уголовной ответственности были привлечены также оптовые скупщики контрабандных товаров.

Преступники осуждены на длительные сроки лишения свободы.

На основании материалов следствия внесены представления в Новороссийский лесной порт, таможню и военизированную охрану для устранения причин и условий, способствовавших совершению преступления.

гор. Краснодар

БЫСТРЫЙ РОЗЫСК БАНДИТА

Подполковник Ю. ЧИЧЕЛОВ,
подполковник И. ЛЫСЕНКО

В последнее время отмечаются случаи, когда преступные элементы с целью завладеть огнестрельным оружием совершают нападение на военнослужащих, работников милиции и вневедомственной охраны. Подобные дерзкие преступления таят в себе большую общественную опасность. Поэтому их расследование и оперативный розыск скрывшихся преступников осуществляются, как правило, с участием органов госбезопасности. Успешная организация и эффективность розыскных мероприятий во многом зависят от высокой мобильности, четкого взаимодействия органов КГБ, внутренних дел, прокуратуры и привлекаемых войсковых подразделений. Одним из примеров этого может служить розыск бандита, проведенный Управлением КГБ по Тульской области.

23 августа 1983 года на военнослужащего войсковой части 25851 рядового Бокова, находившегося в оцеплении места проведения стрельб, напал неизвестный, нанеся ему несколько ножевых ранений. Имевшийся у Бокова автомат без патронов оказался похищенным. Преступник был в форме прапорщика Советской Армии. С места происшествия он скрылся на автомашине «Москвич» зеленого цвета.

Управление КГБ по Тульской области, Особый отдел войсковой части 33894 и УВД Тульского облисполкома сразу же совместно приняли меры для розыска преступника. О нападении на часового и хищении у него оружия незамедлительно было доложено в КГБ СССР и ориентированы органы госбезопасности и внутренних дел Московской, Калужской, Липецкой, Орловской и Рязанской областей. Милицией был введен в действие план «Сирена»; УКГБ—УВД повысили бдительность общественности, усилили охрану железнодорожного вокзала, аэропорта и автовокзала. Созданная в Туле оперативно-следственная группа во главе с заместителями начальников УКГБ и УВД выехала на место происшествия, где совместно с особым отделом приступила к осуществлению намеченных мероприятий.

На розыск преступника были направлены агенты и доверенные органов госбезопасности и милиции. Переписку жителей (Арсеньевский район) поставили на ПК. По факту нападения на часового прокуратура района возбудила уголовное дело. В этот же день силами оперативно-следственной группы и военнослужащих воинской части с 18 часов было организовано прочесывание прилегающей к стрельбищу лесистой местности. В связи с наступающими сумерками осмотр места происшествия отложили до утра.

В 23 часа 23 августа по разрешению врачей с пострадавшим провели беседу, в процессе которой он рассказал, что во время его

нахождения на посту к нему подошел незнакомый прапорщик и приказал следовать за ним, чтобы взять продукты для командира роты. Пройдя по лесу около полутора километров, они подошли к автомашине «Москвич» зеленого цвета. Прапорщик попросил солдата подкачать левый задний баллон. Когда тот нагнулся, прапорщик ударил его ножом в спину. В завязавшейся схватке Бокову удалось вырваться, и он, отбежав в сторону, успел заметить, как «Москвич» на большой скорости уходил с места происшествия. Затем раненый потерял сознание. Впоследствии солдата случайно нашли местные жители и доставили в госпиталь.

24 августа рано утром продолжили осмотр места происшествия. Оперативная группа выявила следы протектора, оставленные автомашиной, и большое пятно красного цвета. Был также найден обрезок шланга со штуцером от насоса, который приобщили к уголовному делу. Одновременно в целях обнаружения возможно брошенной автомашины вся прилегающая местность в радиусе 40 километров была осмотрена с вертолета.

В тот же день потерпевший дополнительно сообщил приметы прапорщика и сказал, что видел темные шторы, закрывавшие заднее стекло автомашины, три пластмассовые коробки, лежавшие за этим стеклом, а также заметил три канистры, находившиеся в багажнике.

Анализ полученных сведений дал основание выдвинуть ряд версий, для отработки которых УКГБ по Тульской области, Особым отделом войсковой части 33894 и УВД Тульского облисполкома был составлен план агентурно-оперативных мероприятий, где предусматривались: выявление и опрос возможных очевидцев преступления; розыск автомашины «Москвич» зеленого цвета; установление военнослужащих, служащих и рабочих воинской части, а также жителей близлежащих населенных пунктов, имеющих в личном пользовании автомашину «Москвич» зеленого цвета; проверка возможной причастности к преступлению прапорщиков, служивших ранее в указанной воинской части и уволенных по компрометирующим обстоятельствам или переведенных в другие места службы в 1978—1983 годы, а также лиц, отбывших наказание за аналогичные преступления.

При опросе военнослужащих, находившихся в районе стрельб, удалось выявить ряд свидетелей, видевших неизвестного прапорщика. Сообщенные ими приметы полностью совпадали с теми, о которых рассказал пострадавший. Из полученных данных было очевидно, что преступник хорошо знал местность, порядок стрельб и систему оцепления.

В течение двух дней, 24 и 25 августа, стали поступать сведения об автомашине «Москвич» зеленого цвета. Одно из таких сообщений заслуживало оперативного внимания. Так, житель деревни Астахово (расположенной в 9 километрах от места преступления) рассказал, что 22 августа в 21 час он видел автомашину «Москвич» зеленого цвета в лесопосадке приблизительно в пятистах метрах от его дома. Оперативная группа при осмотре места стоянки автомашины обнаружила колпачок от ниппеля колеса

автомашины, две бутылки из-под водки и бутылку из-под вина, обертки от конфет и от плитки шоколада, фотографическую карточку, на которой запечатлен один из приемов каратэ. На обратной стороне фотографии имелась надпись: «Братишке Сереже от брата Вовы. Кировоград-25».

Особый отдел войсковой части 33894 в сжатые сроки установил, что в 1978 году в Кировоград для дальнейшего прохождения службы был направлен прапорщик Маслов Владимир Иванович, 1953 года рождения, который по службе в войсковой части 25851 характеризовался отрицательно. Вскоре на запрос по оперативной связи из Кировограда сообщили, что прапорщик Маслов В. И. с 1978 года по декабрь 1982 года действительно проходил службу в Кировограде-25 в должности командира автовзвода. В декабре 1982 года Маслова уволили из Советской Армии по компрометирующим материалам, и он выехал на постоянное жительство в Воронеж. Было выяснено, что в личном пользовании он имел автомашину «Москвич» зеленого цвета.

В Воронеже была срочно проведена предварительная установка Маслова, которая показала, что в этот город он прибыл из Советской Армии, на время проверки нигде не работал. Живет в отдельной квартире на первом этаже девятиэтажного дома совместно с женой, двумя детьми, матерью и братом. Окна квартиры выходят во двор, где в пределах видимости стоит принадлежащая Маслову автомашина «Москвич» зеленого цвета с темными шторами, закрывающими заднее стекло, и за ним расположены три коробки (две колонки радиоприемника и одна коробка с дорожной аптечкой).

Это обстоятельство также указывало на то, что преступником мог быть Маслов. 2 сентября для его тщательной проверки в Воронеж вылетела оперативная группа. По ее прибытии за домом и квартирой, где жил Маслов, установили наблюдение, которое не зафиксировало выхода объекта в течение дня. Под наблюдение был взят его брат. Предстояло выяснить, кто из родственников Маслова находится в квартире. Была создана группа для его задержания, куда вошли представители УВД Воронежского облисполкома. Учитывая, что Маслов мог ночью выйти из дома и, используя свой личный транспорт, скрыться из-под наблюдения, два баллона его машины были проколоты. Действительно, в ночь на 3 сентября наружное наблюдение отметило выход подозреваемого из квартиры. Тщательно проверяясь, медленным шагом он обошел вокруг дома и возвратился в квартиру. Это дало возможность получить точные данные о внешности Маслова, которые совпали с приметами, сообщенными пострадавшим и свидетелями. 3 сентября в 8 часов брат подозреваемого вышел из квартиры, дошел до места работы и в 10 часов возвратился домой.

В 11 часов мероприятие «С» зафиксировало разговор, из которого стало ясно, что в квартире, кроме Маслова и его брата, никого нет.

В 12 часов из УКГБ по Тульской области по оперативной связи сообщили, что потерпевший и другие очевидцы опознали разы-

скиваемого преступника на предъявленной им в числе других фотографии Маслова. Это придало уверенность, что направление розыска взято правильно.

Перед оперативной группой встал вопрос, каким образом задерживать подозреваемого. Во внимание принималось и то обстоятельство, что Маслов владеет приемами каратэ, вооружен автоматом, оказать сопротивление может и его брат. Обсудив эти вопросы, оперативная группа приняла решение: выбрать момент, который позволил бы неожиданно ворваться в квартиру и, воспользовавшись внезапным психологическим воздействием на преступника, задержать его. Наконец, момент настал. В 14 часов из квартиры вышел брат Маслова. Он прошелся около дома и стал возвращаться. Группа захвата дала ему возможность войти в квартиру и тут же ворвалась в помещение. Преступник не ожидал такого исхода дела, растерялся и сопротивления не оказал. При обыске у него нашли похищенный им автомат с 58 автоматными патронами, нож, которым он нанес удар солдату, китель прапорщика и форменную рубашку с пятнами крови. При осмотре машины оперативная группа обнаружила пятно крови на крышке багажника, на левой передней дверце и в салоне; оказались отсутствующими колпачок на левом заднем колесе и кусок шланга со штуцером у насоса.

Маслова и его брата как возможного соучастника задержали и конвоировали в Тулу.

Ход розыска преступника постоянно контролировался Третьим главным и Пятым управлениями КГБ СССР.

гор. Тула

СЛЕДСТВИЕ И ДОЗНАНИЕ

ОРГАНИЗАЦИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ АНТИСОВЕТСКОЙ АГИТАЦИИ, ПРОВОДИВШЕЙСЯ ГРУППОЙ ЛИЦ

Подполковник Ф. ПОХИЛ

В 1978—1982 годах в Москве получили распространение нелегально изготовлявшиеся журналы «Левый поворот», «Социализм и будущее», альманах «Варианты», в которых из номера в номер возводилась клевета на советский государственный и общественный строй, с враждебных позиций освещались многие аспекты внутренней и внешней политики СССР.

В марте 1982 года на страницах выходящего во Франции антисоветского журнала «Альтернатива» был опубликован написанный изготовителями «Вариантов» документ под названием «Ответы редакции альманаха...», содержавший программные установки на подрыв и ослабление Советской власти, а также призывы к вмешательству зарубежных реакционных сил во внутренние дела нашей страны.

В ходе осуществления органами КГБ оперативно-розыскных мероприятий выяснилось, что к изготовлению и распространению вышеназванных материалов причастны младшие научные сотрудники Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР Кудюкин и Фадин, старший инженер ЦНИИпроект Госстроя СССР Хавкин, младший научный сотрудник Института химической физики Академии наук СССР Чернецкий, литературный секретарь одного из членов Союза советских писателей Кагарлицкий, которые седьмым отделом Второго главного управления КГБ СССР были взяты в активную оперативную разработку.

Из добытых материалов усматривалось, что антисоветская деятельность объектов носит организованный характер. Было выявлено несколько связанных между собой и ведущих враждебную деятельность групп, активная роль в которых принадлежала Кудюкину, Фадину, Кагарлицкому и другим. Участники групп избегали личных встреч, пользовались конспиративными приемами общения между собой, предпринимали конкретные шаги к уста-

новлению связей со своими единомышленниками в других городах страны.

Работа по делу оперативного учета осуществлялась в тесном взаимодействии со Следственным отделом КГБ СССР. Следователи оказывали правовую помощь оперативным сотрудникам в анализе и оценке материалов, намечали пути и методы документирования преступной деятельности разрабатываемых, что в конечном счете дало положительные результаты в момент реализации дела и способствовало в дальнейшем сокращению срока предварительного следствия.

В марте 1982 года в соответствии с утвержденным руководством Комитета госбезопасности СССР планом было принято решение о возбуждении в отношении Кудюкина, Фадина, Хавкина, Чернецкого и Кагарлицкого уголовного дела по признакам ст. 70 Уголовного кодекса РСФСР.

Принимая во внимание, что участники выявленного антисоветского группирования имели связь с объектами разработок Пятого управления КГБ СССР и Управления КГБ по гор. Москве и Московской области, проведение оперативных и следственных мероприятий осуществлялось одновременно по отдельно составленным и согласованным планам. Все это потребовало привлечения значительных оперативных сил и средств, руководство которыми было возложено на специально созданный оперативный штаб из числа ответственных работников Второго главного и Пятого управлений, Следственного отдела КГБ СССР и Управления КГБ по гор. Москве и Московской области.

Тщательная предварительная подготовка к проведению первоначальных следственных действий, правильная расстановка оперативных сил и средств, отработка с каждым участником операции его задач с учетом возможных изменений обстановки, четкая координация штабом взаимодействия оперативно-следственных групп позволили осуществить данные мероприятия своевременно, без каких-либо срывов и осложнений.

В результате заранее намеченных и одновременно проведенных двенадцати обысков по местам жительства объектов разработок и их связей было обнаружено и изъято: свыше тысячи наименований документов и различных изданий антисоветского, клеветнического и идеологически вредного содержания; более ста фотопленок с текстами антисоветских материалов, в том числе издающихся за рубежом; пишущие машинки и другие множительные средства. В группы для проведения обысков наряду со следователями были включены оперативные работники, хорошо знавшие обстановку на местах, а также сотрудники спецподразделения и Седьмого управления КГБ, в задачи которых входили, в частности, обеспечение безопасности осуществляемых следственных действий и локализация возможных нежелательных проявлений со стороны обыскиваемых и их связей.

В целях исключения сговора единомышленников, осведомленных о преступной деятельности разрабатываемых, и получения от них объективных показаний, имеющих доказательственное значе-

ие по делу, к моменту начала обысков 6 апреля для допросов в ачестве свидетелей в Следственный отдел были вызваны 14 чело- ек из указанной категории лиц. Следователей, которым предстоя- а работа с ними, предварительно тщательно проинструктировали. Им же передали подготовленные оперативными работниками ме- юрандумы по оперативным материалам и психологические пор- реты каждого допрашиваемого, а также планы допросов, состав- ленные следователем, принявшим дело к своему производству. Благодаря этому, в частности, удалось в первый же день получить оказания, изобличающие Кудюкина, Фадина и других объектов разработок в их антисоветской деятельности.

Не обошлось и без помощи специалистов ЦНИИСИ ОТУ, кото- рые изучали рукописные и машинописные тексты, давали предва- рительные заключения об их исполнителях и пр.

6 апреля 1982 года Кудюкин, Фадин, Хавкин, Чернецкий, Ка- арлицкий были задержаны и в отношении их избрана мера пре- ечения — заключение под стражу.

Уже на первоначальном этапе предварительного следствия Кудюкин, Фадин и другие показали, что, сознательно встав на уть враждебной деятельности, на протяжении ряда лет, используя «социал-демократические, ревизионистские и еврокоммунистиче- ские» лозунги, они принимали меры для создания в стране орга- низованного антисоветского подполья в виде так называемой «федерации демократических сил социалистической ориентации». Ими планировалось установление тесных связей «с широкими мас- сами в стране и эмигрантскими центрами за рубежом».

В ходе расследования предстояло выполнить большой объем работы, необходимой для того, чтобы решить главные задачи: вы- снить, не проводилась ли враждебная деятельность обвиняемыми и их преступными связями по заданию специальных служб или идеологических центров противника; выявить всех участников нтисоветской группы, определить роль и конкретный объем соде- янного каждым из них, уделив особое внимание установлению идеров и идейных вдохновителей; принять меры к обнаружению и изъятию всех изготовленных антисоветских материалов, сосредо- очив усилия на отыскании возможно имеющихся программных документов; установить канал связи, по которому был перепра- ен за границу враждебный документ — «Ответы редакции альма- аха «Варианты» на вопросы журнала «Альтернатива», конкрет- ые обстоятельства его изготовления и опубликования в этом жур- але, все иные контакты с иностранцами; установить конкретные ричины и условия, способствовавшие возникновению у обвиняе- ых враждебных настроений, переросших в практические преступ- ые действия вплоть до организационной антисоветской деятель- ости.

Во главу угла всего предварительного следствия была поста- ена работа с обвиняемыми, направленная на их идейное разору- ение и перевоспитание, для чего предусматривался комплекс ме- оприятий с использованием необходимых материалов, в которых еоретически обоснованно и на конкретных примерах разоблача-

ется антисоветская сущность деятельности ревизионистов, ренегатов и отщепенцев, истинные цели империалистических кругов Запада, делающих ставку в своих подрывных акциях на подобные элементы в нашей стране.

Все эти вопросы были положены в основу подготовленного и утвержденного руководством Комитета госбезопасности СССР плана следственных и оперативных мероприятий. В нем предусматривались конкретные следственные действия, ведение четко организованной внутрикамерной разработки обвиняемых, дальнейшее использование агентурных и оперативно-технических возможностей для изучения оставшихся на свободе единомышленников, меры, обеспечивающие зашифровку агентуры и ее вывод из дела и другие вопросы.

Сама работа по составлению письменного плана дала возможность глубже проанализировать все имеющиеся материалы и наметить оптимальные сроки его исполнения. В дальнейшем это позволило последовательно и ритмично осуществлять намеченные следственные действия. Каждое из них организационно и оперативно заранее готовилось, в ходе их проведения не требовалось тратить время на поиски необходимых сведений, научно-технических и вспомогательных средств и т. п. Основываясь на всестороннем учете фактических данных, которые в ходе расследования пополнялись и уточнялись, составленный план соответственно корректировался, в связи с чем процесс планирования от возбуждения уголовного дела и вплоть до составления обвинительного заключения носил непрерывный характер.

Наряду с общим планом следователи, работавшие с обвиняемыми, составляли индивидуальные планы, которыми предусматривалась очередность использования при допросах материалов, намечались конкретные вопросы, определялся объем вводимой при этом информации, вырабатывались тактические приемы, а также меры воспитательного характера и другие мероприятия, направленные на всестороннее, объективное и полное установление содеянного арестованными и их связями.

Так, в основу индивидуального плана работы с Кудюкиным на первоначальном этапе следствия было положено изъятое во время обыска письмо подследственного в адрес жены, проживавшей в Алма-Ате. В нем в неприкрытом виде возводилась клевета на конституционные демократические начала Советского государства, обосновывалась позиция о необходимости борьбы с «существующим режимом» в СССР, подчеркивалось личное участие в организационной деятельности и выражалась решимость «при изменении политико-социальной обстановки (например, как в Чехословакии в 1968 году или в Польше в 1980 году) вновь встать в ряды организованных борцов...». Как видно, письмо по своему содержанию охватывало большой круг вопросов, от выяснения которых зависело решение главных задач предварительного следствия. Использование этого документа, учет особенностей характера обвиняемого, умелое маневрирование другой информацией, тщательно продуманная формулировка вопросов дали положительные ре-

зультаты: Кудюкин первым начал правдиво показывать, и его признание явилось важной предпосылкой разоблачения других обвиняемых.

Ввиду большого объема работы и сложности задач расследование этого уголовного дела поручили группе следователей, распределение обязанностей в которой было проведено с учетом индивидуальных особенностей и опыта каждого следователя. Одни следователи допрашивали обвиняемых, другие — свидетелей, третьи занимались осмотрами многочисленных материалов и т. д. Четкое распределение участков работы положительно сказалось на качестве следственных действий.

Существенную роль сыграли периодически проводившиеся оперативные совещания членов группы, в необходимых случаях с участием оперативных сотрудников, продолжавших разработку оставшихся на свободе связей обвиняемых. Посредством таких совещаний члены оперативно-следственной группы постоянно информировались о ходе расследования, на них конкретизировались задачи по каждому участку предварительного следствия. Это способствовало целеустремленности и организованности в работе, поддержанию деловой обстановки, повышению чувства ответственности как за состояние расследования на конкретных направлениях, так и за его общий результат.

Вся организация работы по уголовному делу была возложена на следователя, принявшего дело к своему производству. Им проводился анализ добытых доказательств и оперативных данных, на основе чего корректировался план расследования, оказывалась необходимая помощь следователям в индивидуальном планировании и проведении наиболее сложных следственных действий. Следователь-руководитель принимал решения, которые отражали направление расследования: о привлечении в качестве обвиняемых и применении мер пресечения, о квалификации и объеме обвинения, о производстве обысков и определении относимости изъятых материалов, об окончании расследования, о выделении материалов из уголовного дела и по многим другим вопросам, возникавшим в ходе следствия. Он же с участием следователей, работавших с обвиняемыми, составлял итоговые процессуальные документы (постановления о привлечении в качестве обвиняемых, обвинительное заключение), а также осуществлял связь с сотрудниками оперативных подразделений КГБ и готовил необходимую информацию для докладов в инстанции.

При организации и планировании работы по уголовному делу на Кудюкина и других уделялось большое внимание вопросам своевременности производства отдельных следственных действий. Так, в работе со свидетелями учитывались следующие соображения тактического характера. Одновременный и внезапный вызов на допрос ряда свидетелей в день реализации разработки исключил их сговор, в результате удалось получить важные показания о проводившейся объектами антисоветской деятельности. Дальнейшие вызовы на допросы свидетелей на первоначальном этапе следствия были нецелесообразны, поскольку из полученных опе-

ративных данных усматривалось, что оставшиеся на свободе единомышленники арестованных оказали определенное давление на некоторых лиц, чтобы склонить их к отказу от дачи показаний. В то же время агентурные материалы свидетельствовали, что связи обвиняемых и отдельные представители стран Запада, аккредитованные в Москве, с возбуждением уголовного дела, проведением первоначальных следственных действий стали изыскивать возможности к получению информации об имеющихся в распоряжении органов КГБ фактических данных по делу в целях ее использования для противодействия следствию и организации антисоветских кампаний зарубежными средствами массовой пропаганды. В этой связи требовалась серьезная подготовка к допросам. Необходимо было тщательно изучить изъятую литературу и определиться в возможностях ее практического применения при допросах, собрать и проанализировать максимальный объем информации об обстоятельствах изготовления и распространения документов враждебного содержания и степени причастности конкретных лиц к этой преступной деятельности, провести отдельные экспертные исследования, исходя из чего, а также с учетом сведений, характеризующих личность, решить вопрос об очередности вызова свидетелей.

Только после такой подготовки начались допросы свидетелей. Более пятидесяти из них подробно рассказали о проводившейся Кудюкиным и другими организационной антисоветской деятельности.

По уголовным делам об антисоветской агитации и пропаганде важное значение, как известно, имеет осмотр изымаемой литературы, а протокол, фиксирующий содержание и результат этого следственного действия, является источником доказательств. Квалифицированно проведенный осмотр может внести ясность во многие обстоятельства, подлежащие установлению по делу. Приобщаемая литература несет в себе информацию о способе и времени ее изготовления, о формах и методах антисоветской деятельности, о круге лиц, причастных к ее составлению, помогает выяснить мотивы, побудившие человека заняться изготовлением и распространением враждебных материалов, а также цели, которые при этом он преследовал.

Практика показывает, что осмотр литературы по делам об антисоветской агитации и пропаганде достигает нужного результата лишь в тех случаях, когда он тактически правильно построен и организован, когда участники осмотра, строго соблюдая уголовно-процессуальный закон, широко используют научно обоснованные рекомендации советской криминалистики и проявляют при этом творческий подход.

В данном случае осмотр многочисленных материалов, изъятых в ходе двенадцати обысков по уголовному делу организовали следующим образом. Прежде чем приступить к непосредственному осмотру, произвели общий обзор всей литературы, в результате чего было установлено наличие одних и тех же изданий, изготовленных обвиняемыми документов, их экземпляров и составных частей, хранившихся у разных лиц. Это помогло наметить свое-

образную программу осмотра, обеспечившую в дальнейшем последовательность и динамичность, объективность, всесторонность и полноту данного следственного действия. В частности, во избежание повторных осмотров одних и тех же документов, а также в целях исключения возможных различных трактовок их содержания результаты осмотров по всем изъятым материалам фиксировались в едином протоколе. При этом лишь в одном случае тот или иной документ подвергался детальному осмотру, а в последующих — указывались только его индивидуальные внешние признаки и делалась отсылочная запись, что текст данного документа аналогичен тексту документа, указанного в соответствующем пункте настоящего протокола. Такая организация осмотров предопределила более эффективную работу с обвиняемыми и свидетелями по поводу изъятой у них литературы и вместе с тем позволила параллельно проводить экспертные исследования отдельных групп документов.

Четкая организация работы обеспечила проведение предварительного следствия по уголовному делу на Кудюкина и других в сокращенные сроки и решение предусмотренных планом задач. В результате установлено, что обвиняемые во исполнение своего замысла относительно создания в стране организованного антисоветского подполья на протяжении ряда лет занимались изготовлением и распространением вышеуказанных сборников и иных документов, действовали согласованно, проходили специальные теоретические и практические занятия по основам конспирации, изучали приемы безличных передач антисоветской литературы, имели пароли и псевдонимы, осуществляли действия вербовочного характера; предполагали основать при помощи враждебно настроенных лиц, выехавших из СССР за границу, «заочный университет» для обучения членов антисоветской организации, предпринимали практические шаги к созданию подпольной типографии.

Осуществленные Комитетом госбезопасности СССР меры позволили пресечь и разоблачить преступную деятельность Кудюкина и его соучастников. Изъятием множительных приспособлений, пишущих машинок, фотоаппаратуры и других технических средств ликвидирована материальная база для изготовления антисоветских документов. Полностью прекращен выпуск нелегальных антисоветских сборников «Варианты», «Левый поворот», «Социализм и будущее». Предотвращено распространение значительного количества политически вредных изданий.

Таким образом, на начальной стадии была пресечена попытка создания подпольной антисоветской организации.

В результате идейного разоружения и переубеждения Кудюкин, Фадин, Хавкин, Чернецкий и Кагарлицкий, несмотря на их отрицательное поведение на первых допросах, в дальнейшем чистосердечно раскаялись в содеянном и осудили свою преступную деятельность. Они показали, что основными причинами их преступных деяний явились влияние враждебной социализму идеологии, ознакомление с антисоветской литературой и ложное представление о собственной исключительности. Эти обвиняемые за-

верили, что в будущем никогда не встанут на преступный путь и будут удерживать других от противоправных акций не страхом перед лишением свободы, а убеждением в бесперспективности и вредности действий против социалистического государства.

Материалы, полученные в ходе предварительного следствия, широко использовались органами КГБ в профилактической работе среди определенных групп советской интеллигенции.

ОПАСНЫЙ ПРЕСТУПНИК РАЗЫСКАН И ОСУЖДЕН

Майор В. ПРИСТАЙКО

6 сентября 1983 года УКГБ по Запорожской области арестован, а спустя четыре месяца предстал перед судом и приговорен к длительному сроку лишения свободы работник одного из конструкторских бюро в Риге, бывший житель Запорожья Остренко. 19 ноября 1980 года он впервые распространил в Запорожье листовки антисоветского содержания. Большая и сложная работа по розыску и разоблачению этого злостного антисоветчика длилась около трех лет.

На первых порах казалось, что злоумышленник вскоре будет установлен, однако все принимаемые чекистские меры к желаемому результату не приводили. В течение 1981—1982 годов он еще 16 раз в четырех районах Запорожья распространял в большом количестве размноженные фотоспособом листовки и их фотонегативы.

Способ изготовления листовок был прост. На лист бумаги плакатным пером печатными буквами наносился рукописный текст, экспонировался на фотопленку, с которой затем изготавливались фотокопии.

Листовки, а также отдельные кадры негативов, упакованные в полиэтиленовую пленку, преступник разбрасывал на улицах города, во дворах жилых домов, в магазинах и других людных местах, в ряде случаев — накануне проведения в стране важных общественно-политических мероприятий. Иногда он вкладывал негативы в отрезки полихлорвиниловой трубки, запаивал их и бросал в Днепр.

Розыск анонима организовывался и направлялся оперативно-следственной группой во главе с заместителем начальника УКГБ.

В связи с тем что преступник действовал исключительно скрытно и осторожно, никаких сведений о нем длительное время получить не удавалось.

Лексико-стилистический анализ текстов листовок позволил предположить, что их изготовителем мог быть мужчина, русский

(давно проживающий на Украине) или украинец, с образованием не ниже среднего, владеющий приемами фотографирования и имеющий необходимую фотоаппаратуру. Он, вероятно, слушает передачи зарубежных радиостанций, неудовлетворен жилищными условиями, умеет писать чертежным шрифтом и обладает оформительскими навыками.

Несмотря на то что преступник при размножении листовок, стремясь скрыть индивидуализирующие признаки фотокамер и кадрирующей рамки, тщательно срезал кромки листовок и негативов, посредством комплексных криминалистических исследований этих документов были получены данные об орудиях преступления и другие важные для розыска сведения. В частности, на нескольких негативах удалось выявить уголки кадровых окон двух фотоаппаратов, а на фотокопиях — края прижимной рамки увеличителя. Эти признаки позволили идентифицировать фотокамеры и кадрирующую рамку.

Осмотр фотонегативов, распространенных в феврале 1982 года, показал, что листовка при размножении располагалась на деревянном полу с шириной доски до 10 сантиметров. Запечатленный на негативе участок пола имел характерные углубления от удаленной шпаклевки, отверстия от гвоздей, наплывы краски, полосы, вмятины и др. На отдельных негативах отобразилась ножка стула, часть ковровой дорожки и носок домашней туфли. Это дало возможность сделать вывод о том, что съемка производилась в жилом помещении. Было также установлено, что фотокопии по изготовлении укладывались для просушки на газеты, поскольку на обороте листовок оказались следы типографского текста газет «Правда», «Комсомольская правда», «Советский спорт» и «Индустриальное Запорожье».

На нескольких фотолистовках, распространенных в различное время, удалось выявить и зафиксировать восемь пригодных для идентификации отпечатков пальцев рук, среди которых не было ни одного повторяющегося. С учетом этого проверялась версия о возможной причастности к преступлению нескольких лиц. Однако сопоставление времени и мест обнаружения листовок и негативов, а также предполагаемых маршрутов движения преступника при их распространении давало основание предположить, что это могло быть сделано одним лицом, хорошо знающим город.

С учетом того, что в тексте листовок автор использовал отдельные выражения, характерные для передач зарубежных радиостанций и документов НТС, проверялись 29 человек, в адреса которых в последние годы направлялись материалы НТС, исследованы почерка около 30 тысяч лиц, поддерживающих или пытавшихся установить переписку с иностранными корреспондентами. По признакам почерка и другим элементам было выделено для проверки еще семь человек. Из выявленных 1812 подписчиков четырех упомянутых выше газет осуществлена проверка 387 человек. В Запорожье имеется 50 000 жилых домов с деревянными полами. Среди лиц, проживающих в этих домах, также велся поиск преступника.

Поскольку в ряде случаев листовки и негативы распространялись около учебных корпусов и общежитий высших учебных заведений города, проверялась версия о причастности к этому студентов. При физическом розыске анонима по почерку только в машиностроительном институте было изучено 8800 курсовых работ и 7900 личных дел студентов. Через военно-учетные столы и военные кафедры добывались и анализировались рукописные материалы всех студентов мужского пола. Для этих целей по согласованию с областным военкоматом разработали специальную учетную карточку, в которой лицевая сторона заполнялась только печатными буквами.

Значительное количество чекистских мероприятий проводилось для выявления и проверки аппаратуры в фотолабораториях города. Проверялись и работающие в них лица. В ходе проверки версии о причастности к преступлению учащихся или сотрудников учебно-производственной фотографии ПТУ облбытуправления просматривались личные дела и контрольные работы (фотопленки и снимки) учащихся, окончивших училище в 1976—1981 годах. Аналогичные мероприятия осуществлялись в университете рабочих корреспондентов и фотокорреспондентов при запорожском Доме печати и педагогическом училище, где читается факультативный курс по основам фотодела.

Учитывая, что аноним в листовках выдвигал предложения «по решению жилищной проблемы», через областную газету «Запорожская правда» организовали публикацию статьи на подобную тему. Этим преследовалась цель побудить анонима направить в редакцию отклик, в котором могли содержаться данные, необходимые для розыска. Чтобы получить образцы фотоматериалов преступника, по просьбе УКГБ редакция этой же газеты объявила фотоконкурс. Поступившие затем около 400 фотоматериалов были исследованы.

Проводились и другие мероприятия подобного рода.

Для определения, является ли аноним жителем Запорожья, специалисты ЦНИИСИ ОТУ КГБ СССР в сентябре и ноябре 1981 года осуществили метку фотобумаги, поступавшей в городскую розничную торговлю. Исследование распространенных после этого фотолистовок показало, что преступник приобретал фотобумагу в городе. Несмотря на проведенные многочисленные агентурно-оперативные, оперативно-технические и другие мероприятия, они длительное время ощутимых результатов не давали.

С использованием розыскной таблицы, специально разработанной на основе почерка анонима, осуществлялся его физический розыск в местах сосредоточения рукописных материалов: в учреждениях, организациях и на предприятиях города и области, а также активно велась перлюстрация корреспонденции. В общей сложности было просмотрено 93 000 листов рукописных материалов. В ходе этой работы в марте 1983 года в Запорожском городском комитете народного контроля удалось обнаружить анонимное письмо, в котором сообщалось о спекуляции и нарушениях правил торговли. Специалисты ОТУ КГБ республики при тщательном

исследовании листовок и этого письма сделали вывод о том, что по ряду общих признаков почерка и языковым особенностям они имеют значительное сходство. Контролер службы ПК УКГБ по Запорожской области в потоке исходящей из Риги корреспонденции выявил два частных письма, отправителем которых значился Остренко. Выяснилось, что этот человек до июня 1982 года жил в Запорожье, а затем выехал в Ригу. Учитывая, что он по общим признакам имел значительное сходство с анонимом, на него завели дело оперативной разработки и провели комплекс агентурно-оперативных и оперативно-технических мероприятий.

Сфотографированный ранее фрагмент пола квартиры, где он проживал до выезда в Ригу, имел те же индивидуальные особенности, которые запечатлелись на фотонегативах, распространенных 17 февраля 1982 года.

Для проведения чекистских мероприятий в Ригу выехала группа сотрудников УКГБ. Во взаимодействии с чекистами Латвии они глубоко изучили Остренко, получили данные о наличии у него фотоаппаратуры, а также добыли отпечатки пальцев его рук. В результате сравнительного исследования их и отпечатков, выявленных на фотолистовках, специалисты ОТО КГБ Латвийской ССР пришли к категорическому выводу о том, что на листовках, распространенных 29 апреля и 28 октября 1981 года, следы оставлены пальцем правой руки Остренко. 5 сентября 1983 года следственным отделением УКГБ по Запорожской области в отношении Остренко было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. I ст. 62 УК УССР (антисоветская агитация и пропаганда) и 7 сентября он арестован.

Одной из важных задач следствия было обнаружение и изъятие у Остренко орудий преступления и других вещественных доказательств. Поэтому большое значение придавалось обыскам по местам его жительства и работы. Их производство возлагалось на сотрудников оперативно-следственной группы, хорошо знающих материалы оперативной разработки и розыска. На основании данных криминалистических исследований определили перечень предметов, использовавшихся Остренко при изготовлении, размножении и распространении враждебных документов. Его квартира была оборудована оперативной техникой. В ходе обыска среди большого количества фотоматериалов были отобраны и изъяты старые фотопленки с характерными признаками кадровых окон двух фотокамер и фотографии с особенностями кадрирующей рамки, изъяты фотоаппарат «Зенит-Е» и кадрирующая рамка, полихлорвиниловая трубка, фотографическая и писчая бумага, записи Остренко по техническим вопросам с множеством графиков, схем и таблиц, содержащих свободные образцы его почерка, комнатные мужские туфли, попавшие, как отмечалось ранее, в фотокадр, и др.

Вместе с тем при обыске не было обнаружено подлинников или черновиков враждебных документов, которые, будь они найдены, прямо свидетельствовали бы об изготовлении и распространении Остренко листовок и негативов. Изъятые объекты, фотолистовки и

негативы исследовались специалистами ЦНИИСИ ОТУ КГБ СССР, которые в короткий срок сумели дать исчерпывающие ответы на 30 вопросов, поставленных перед фототехнической, почерковедческой, трасологической, химической и дактилоскопической экспертизами. В частности, сравнительное исследование свободных и экспериментальных образцов рукописного почерка Остренко, текстов листовок и негативов позволило сделать категорический вывод о том, что все тексты распространенных антисоветских документов исполнены им. По заключению экспертов (фототехническая экспертиза), распространенные в феврале 1982 года негативы экспонировались принадлежащим подозреваемому фотоаппаратом «Зенит-Е», а изготовленные ранее — фотокамерой, которой он пользовался при экспонировании изъятых в ходе обыска фотопленок с изображениями бытового характера. В процессе следствия установлено, что этой второй камерой являлся фотоаппарат «Киев-4А», проданный им в конце 1981 года через комиссионный магазин. Был также сделан вывод о том, что на листовках и изъятых фотографиях имелись признаки кадрирующей рамки, принадлежащей Остренко. Химической экспертизой подтверждена видовая принадлежность фотобумаги, использованной для изготовления листовок и изъятой в ходе обыска, а также писчей бумаги, применявшейся для упаковки распространенных негативов. Была установлена родовая принадлежность изъятой при обыске полихлорвиниловой трубки и отрезков такой же трубки, примененной анонимом для упаковки фотонегативов.

Исследовав распространенные в феврале 1982 года негативы и фотоснимки пола квартиры Остренко в Запорожье, сделанные в ходе осмотра, эксперты пришли к заключению, что на фотонегативах с враждебными документами отобразились фрагменты пола этого помещения. По выводам экспертов, на негативах запечатлелась носочная часть правой домашней туфли, изъятой при обыске у Остренко. Согласно результатам дактилоскопической экспертизы, на листовках и негативах, распространенных 24 марта, 12 и 24 апреля, 18 июня, 28 октября 1981 года и 17 февраля 1982 года, следы пальцев рук оставлены Остренко.

Будучи изобличен собранными уликами, Остренко показал, что враждебные документы изготовлял в своей квартире один, в отсутствие членов семьи. По его признанию, исполненный печатными буквами текст он экспонировал фотоаппаратами «Киев-4А» и «Зенит-Е», при фотопечати использовал свой фотоувеличитель и кадрирующую рамку, а влагу с фотоотпечатков удалял с помощью газет. Негативы упаковывал в обрезки полиэтиленовых пакетов, в писчую бумагу и полихлорвиниловую трубку, которую взял с места работы. Подлинники текстов, их черновики, обрезки фотобумаги и негативов сжигал или спускал в канализацию. Изготовленные им листовки и негативы распространял в людных местах хорошо известных районов города, в основном вечером, во время своих регулярных занятий бегом.

При проверке показаний обвиняемого воспроизводилась обстановка и обстоятельства событий. В частности, в условиях, прибли-

женных к реальным, Остренко написал печатными буквами несколько подготовленных вариантов текстов, заснял их фотоаппаратом «Зенит-Е» на пленку, изготовил фотографии, а негативы упаковал в полиэтиленовую пленку. При этом выявились его способность быстро писать тексты с характерными для изготовителя враждебных документов топографическими признаками, уверенное владение фотоаппаратурой, умение в короткий срок произвести обработку фотоматериалов и изготовить большое количество фотокопий. Обвиняемый указал маршруты своего движения и конкретные участки районов города, где распространял листовки и негативы. Указанные им места полностью совпадали с местами обнаружения листовок. Процесс воспроизведения обстановки и обстоятельств преступления наряду с отражением его в протоколе фиксировался также на видеопленку.

Таким образом, в результате целеустремленной работы следственных и оперативных работников, умелого использования научно-технических средств и возможностей криминалистической науки были собраны доказательства виновности Остренко в изготовлении, размножении и распространении враждебных документов в целях подрыва Советской власти, что явствовало из содержания листовок, в которых виновный обращался к населению от имени не существующих в СССР нелегальных групп и организаций, способа изготовления и большого количества этих документов; систематического их распространения на протяжении 1980—1982 годов в местах массового скопления людей и в ряде случаев накануне проведения в стране важных общественно-политических мероприятий. О враждебной направленности его действий свидетельствует и то, что к фотонегативам он прилагал записки, призывающие лиц, их обнаруживших, изготовить фотокопии и продолжать дальнейшее распространение.

Следует заметить, что на первом этапе следствия Остренко отрицал в своих действиях цель подрыва Советской власти и утверждал, что, распространяя листовки, стремился якобы привлечь «внимание общественности к имеющимся недостаткам и трудностям и побудить людей добиваться улучшения условий жизни». Вместе с тем в ходе допросов он не мог дать убедительного ответа на вопрос о том, почему в листовках содержались призывы к борьбе против Советской власти и клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

Поняв несостоятельность своих объяснений о цели и мотивах совершенных им действий, Остренко в конечном счете на предварительном следствии и в суде заявил, что нанес серьезный ущерб Советскому государству, став «рупором «психологической войны» и марионеткой в руках организаторов идеологических диверсий», и делал это сознательно, будучи недоволен советской действительностью. Он приговорен к лишению свободы.

гор. Запорожье

ПОДГОТОВКА И ВОСПИТАНИЕ КАДРОВ

СОВЕРШЕНСТВОВАТЬ МЕТОДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ СЕКРЕТАРИАТАМ ОРГАНОВ КГБ

Полковник И. СИНЯНСКИЙ,
полковник В. КУРЧАЕВ

Центральный Комитет КПСС и Советское правительство на современном этапе коммунистического строительства сосредоточивают усилия на дальнейшем совершенствовании управленческой деятельности. Решение этой задачи для чекистов неразрывно связано с улучшением работы с документами в самом широком смысле этого слова.

Руководствуясь требованиями инстанций, Комитет государственной безопасности и его органы на местах постоянно принимают меры к улучшению отбора информации, проработки выносимых на решение вопросов, качества подготовки документов, повышению исполнительской дисциплины, эффективности контроля и проверки исполнения.

В реализации этих установок активно участвует Секретариат Комитета, который, в частности, стал больше оказывать помощи местным органам КГБ, и прежде всего их секретариатам. Среди других мероприятий с начальниками секретариатов чаще практикуются кустовые совещания-семинары.

В 1983 году такое совещание, где присутствовали представители восемнадцати органов КГБ зоны Поволжья, было проведено в Саратове. В апреле 1984 года совещание-семинар с руководителями секретариатов 34 территориальных органов и особых отделов КГБ СССР Северо-Западной зоны страны состоялось в Ленинграде. Это совещание открыл член Коллегии КГБ СССР, начальник УКГБ по Ленинградской области генерал-полковник Д. П. Носырев. В его вступительной речи, докладе заместителя начальника Секретариата КГБ СССР полковника В. С. Ушакова и содокладах говорилось о повышении роли секретариатов в обеспечении управленческой деятельности руководства органов КГБ на местах. В свете требований приказа КГБ № 0580 1983 года

отмечалась необходимость улучшения качества работы с документами и эффективного контроля за выполнением постановлений инстанций, решений Коллегии, приказов и указаний КГБ, совершенствования секретного делопроизводства, усиления режима секретности.

Внимание участников совещания обращалось также на правильную организацию работы с письмами и приема граждан, на типичные недостатки в работе с документами, вскрытые в ходе проверок, на основные требования, предъявляемые к подготовке нормативных актов и ведению их тематического учета.

На совещании указывалось, что секретариаты органов КГБ — это те подразделения, которые должны организовать надежный заслон всякого рода отступлениям от установленных правил работы с документами. Особое внимание следует уделять устранению ненужного бумаготворчества, совершенствованию порядка отбора и представления документов в инстанции и КГБ СССР. Такие документы должны содержать сведения и конкретные предложения по действительно актуальным, насущным вопросам. Их необходимо согласовывать с заинтересованными министерствами, ведомствами, подразделениями и органами КГБ, в целесообразных случаях обеспечивать тщательную юридическую проработку.

Задачи эти непростые. Их успешное решение требует от начальников секретариатов хорошей идейно-политической закалки, высокой компетентности, умения чутко улавливать потребности оперативной практики, творчески применять в работе принципы научной организации труда, постоянно совершенствовать профессиональное мастерство.

Секретариат КГБ СССР предполагает проведение подобных кустовых совещаний-семинаров и в других регионах страны.

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

6 апреля 1984 года в Ташкенте на Высших курсах повышения квалификации кадров КГБ СССР состоялась читательская конференция, посвященная 25-летнему юбилею Сборника КГБ. На конференцию собрались слушатели курсов, прибывшие на учебу из 87 территориальных органов, в том числе 52 человека — руководители городских и районных аппаратов; начальники отделов и заместители начальников управлений КГБ Узбекистана, преподаватели Высших курсов и филиала Учебного центра Краснознаменного института имени Ю. В. Андропова.

В работе конференции приняли участие секретарь парткома КГБ Узбекистана тов. Б. В. Нурдинов, инспектор Инспекторского управления КГБ СССР кандидат юридических наук подполковник Н. Н. Скороваров.

Открывая конференцию, заместитель начальника Высших курсов кандидат юридических наук, доцент подполковник П. С. Ни-

кулин отметил, что публикации Сборника оказывают действенную помощь слушателям и преподавателям в решении сложных и важных вопросов теории и практики контрразведывательной деятельности, способствуют росту эффективности и качества подготовки кадров органов госбезопасности, повышению их квалификации.

Было оглашено приветствие Коллегии и Партийного комитета КГБ СССР в связи с юбилеем Сборника.

Выступившие на конференции (6 преподавателей и 14 практических работников) дали высокую оценку многим статьям, опубликованным в Сборнике. Основное же внимание они уделили предложениям, направленным на дальнейшее повышение качества публикаций, на более конкретную их увязку с практическими задачами, решаемыми оперативными подразделениями и учебными заведениями КГБ.

С сообщениями о роли Сборника в повышении идейной убежденности и формировании личности чекистов выступили преподаватель кафедры марксизма-ленинизма подполковник В. А. Анкудинов, начальник Кирилловского РО УКГБ по Вологодской области майор С. Н. Горячев, заместитель начальника Кисловодского ГО УКГБ по Ставропольскому краю подполковник Н. А. Овчаров.

Об актуальных проблемах контрразведывательной деятельности в условиях обострившейся международной обстановки и освещении их на страницах Сборника говорили старший преподаватель Высших курсов подполковник В. С. Поляков, преподаватель подполковник Ю. Б. Давыдов, преподаватель филиала Учебного центра Краснознаменного института подполковник В. К. Овчинников, заместитель начальника Пятого управления КГБ Узбекской ССР кандидат психологических наук подполковник Ю. В. Чуфаровский, начальник Прибайкальского РО КГБ Бурятской АССР подполковник В. Ц. Дабаев, начальник РО УКГБ по Брянской области на ст. Унеча подполковник В. Н. Карасев, начальник Шилальского РО КГБ Литовской ССР подполковник И. А. Альшаускас, заместитель начальника Балаковского ГО УКГБ по Саратовской области майор Л. И. Семенов, начальник Рассказовского ГО УКГБ по Тамбовской области подполковник М. А. Филатов, оперуполномоченный УКГБ по Горьковской области капитан Д. А. Хрипков, старший оперуполномоченный КГБ Татарской АССР подполковник В. А. Харламов. Все они единодушно отметили, что к Сборнику обращаются и руководители и оперативный состав всякий раз, когда приходится исследовать сложные явления подрывной деятельности противника и меры борьбы с ней.

Вопросам использования правовых норм, криминалистических средств и методов в агентурно-оперативной и следственной работе и отражению их в Сборнике КГБ посвятили свои речи старший преподаватель Высших курсов кандидат юридических наук майор В. П. Гавриков, преподаватель майор Ю. К. Богданов, оперуполномоченный КГБ Узбекской ССР старший лейтенант Ю. К. Эрназаров, оперуполномоченный ГО КГБ Мордовской АССР на ст. Рузаевка старший лейтенант А. Н. Яшин, оперуполномоченный Акушинского РО КГБ Дагестанской АССР лейтенант М. Ш. Мах-

таев, следователь УКГБ по Мангышлакской области Казахской ССР лейтенант А. В. Шпилев.

Сообщение о рубриках Сборника сделал старший преподаватель Высших курсов кандидат юридических наук доцент майор А. С. Подшибякин. Он обратил внимание участников конференции на то, что Сборник является активным борцом за укрепление социалистической законности в деятельности органов КГБ. Его рубрики отражают развитие аппаратов госбезопасности за четверть века и свидетельствуют о высокой идейности и практической направленности чекистского печатного издания.

По мнению тов. Подшибякина, было бы целесообразно по актуальным проблемам контрразведывательной работы выделить самостоятельные рубрики, например «Контрразведывательное обеспечение экономики», «Расследование ЧП с признаками диверсии», «Криминалистическое обеспечение контрразведывательной деятельности». Интерес вызвали бы и такие разделы, как «Трибуна руководителя», «Учебные заведения и практика», «Исследования, полемика, предложения», «Вопросы теории», «В помощь молодому сотруднику» и др. Полезно ввести и «Колонку редактора», где сообщать мнение редакции о присылаемых и публикуемых материалах.

Подводя итоги конференции, подполковник П. С. Никулин отметил, что выступления участников конференции носили творческий и конструктивный характер. Были высказаны пожелания более тесного соединения чекистской науки с контрразведывательной практикой. Сборник должен не только пропагандировать все новое, передовое в оперативной практике, но и затрагивать актуальные вопросы чекистской теории, больше обращаться не к описанию результатов деятельности, а к раскрытию секретов ее организации и процесса управления.

Участники конференции выразили уверенность, что будут и впредь укреплять творческие связи с редакцией Сборника, пожелали ее коллективу и редколлегии новых успехов в пропаганде советского контрразведывательного искусства и развитии чекистской теоретической мысли.

Генерал-майор И. ФИЛАТОВ

СВЕДЕНИЯ О ПРОТИВНИКЕ

РЕФОРМИРОВАНИЕ РАЗВЕДКИ И СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

Майор В. РЕЗНИЧЕНКО

Последовавшие за победой левых сил в 1981—1982 годах реформы в области охраны государственной безопасности Пятой республики, в частности реформирование разведки и судебных органов, имеет компромиссный характер.

Использование французской буржуазией метода «либерализма» (по выражению В. И. Ленина), то есть шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д., для отстаивания своего господства и ослабления рабочего движения, нашедшее опору в социал-реформистской практике правых лидеров социалистической партии и соглашательской деятельности профсоюзов, вынужденно связано с осуществлением определенных демократических прогрессивных реформ и проведением мероприятий, противостоящих интересам части монополистической буржуазии. Теряя в малом, господствующий класс Франции сохранил свои основные позиции.

Усилия французских коммунистов, использующих участие своих представителей в правительстве и опирающихся на энтузиазм масс, хотя и направлены на углубление происходящих перемен и создание долгосрочной перспективы на пути к «демократическому самоуправляемому социализму», не выходят, однако, за рамки буржуазной демократии. В теоретическом отношении эти усилия базируются на выработанных мировым коммунистическим и рабочим движением положениях, согласно которым парламентский путь перехода к социализму в капиталистических странах является в настоящее время приемлемым.

Определяющую роль в союзе левых сил Франции сейчас играет социалистическая партия, которая представляет интересы главным образом мелкой и части средней буржуазии, либерально-демократической интеллигенции и чиновников. Свою стратегию социально-экономического преобразования Франции и ее политических институтов она строит, исходя из принципа сотрудничества классов.

Результат указанного компромисса нашел отражение в реформе разведки и судебных органов. Одним из намечавшихся левыми силами мероприятий по демократизации политического режима Пятой республики была ликвидация органа внешней разведки — спецслужбы внешней документации и контрразведки (СДЕСЕ). В определенной степени правительство левых сил претворило его в жизнь.

На основании декрета № 82—306 от 2 апреля 1982 года СДЕСЕ преобразована в Генеральную дирекцию внешней безопасности — ДЖСЕ. Несмотря на произведенные изменения в руководстве и структуре спецслужбы и корректировку некоторых направлений ее деятельности и названия, служба как таковая осталась нетронутой.

Согласно этому декрету Генеральная дирекция внешней безопасности полномочна в интересах правительства и в тесном сотрудничестве с другими заинтересованными организациями собирать сведения, касающиеся безопасности Франции, а также противодействовать вне пределов национальной территории шпионской деятельности, направленной против французских интересов, в целях предотвращения ее последствий. Для реализации данных полномочий ДЖСЕ обязана обеспечивать необходимое взаимодействие с другими службами или заинтересованными организациями, выполнять в рамках своих полномочий любые действия, которые ей могут быть поручены правительством; поставлять обобщенную разведывательную информацию, которой она располагает.

Этот декрет не следует рассматривать как еще один правовой документ, в котором названы общие полномочия и задачи органа внешней разведки. В нем нашел отражение новый этап развития спецслужбы, обусловленный политической победой союза левых сил. Так, в декрете затронуты все «болевые точки» дореформенного положения общегосударственного органа внешней разведки: антидемократический характер его деятельности; отсутствие должного контроля со стороны органов государственной власти; неудовлетворенность результатами его деятельности; разобщенность и соперничество как внутри этого органа, так и в его отношениях с другими французскими спецслужбами и т. д.

Правительство, возглавляемое социалистами, сделало попытку разрешить посредством указанного декрета названные выше проблемы и тем самым повысить эффективность внешней разведки.

Прежде всего произведена смена «вывески», что позволило, с одной стороны, вывести бывшую СДЕСЕ из-под огня критики демократической общественности, с другой — в спокойных условиях провести реорганизацию спецслужбы.

Она оставлена в структуре министерства обороны с непосредственным подчинением ее руководителя министру, который посредством приказов регулирует вопросы, касающиеся ее организации и деятельности. Вместе с тем выполнение рассматриваемого декрета возлагается в первую очередь на премьер-министра, а руководитель спецслужбы назначается советом министров. Названные положения не только синтезируют нормы правовых актов,

регламентировавших статут СДЕСЕ, но и напрямую ставят деятельность внешней разведки в зависимость от потребностей правительства.

Декрет возлагает на ДЖСЕ обязанности обеспечивать необходимое взаимодействие с другими службами или заинтересованными организациями. Оно должно развиваться в рамках четко обозначенной в декрете компетенции ДЖСЕ, получившей право на проведение контрразведывательной деятельности лишь за пределами Франции. В свою очередь в МВД на основании декрета № 82—752 от 1 сентября 1982 года введена должность государственного секретаря по общественной безопасности, в обязанности которого входит организация взаимодействия национальной полиции с ДЖСЕ.

Названное положение декрета преследует цель устранить «соперничество между сотрудниками и войну между службами, которые долгое время свирепствовали внутри СДЕСЕ», а также между органами внешней разведки и контрразведки. Ограничение компетенции ДЖСЕ в контрразведывательной области должно, по мнению правительства Франции, способствовать устранению негативных сторон в отношениях, складывающихся между разведкой и контрразведкой.

Еще одной правовой мерой, принятой правительством и касающейся решения проблемы единства действий указанных спецслужб, является поручение на основе декрета от 15 июля 1982 года министру обороны Франции временно замещать министра внутренних дел республики. Подчинение, хотя и временное, министру обороны министерства внутренних дел свидетельствует о попытке координации деятельности этих двух министерств и концентрации их сил при решении вопросов, затрагивающих прежде всего интересы безопасности государства.

Наконец, в положениях декрета от 2 апреля 1982 года ясно выражено стремление правящих кругов активизировать деятельность органа внешней разведки, придать ей наступательный характер. При этом, как подчеркивается во французской прессе, уделяется особое внимание улучшению результативности и качества разведки при добывании сведений экономического, финансового, промышленного, научного и технического характера. Сбор таких сведений будет осуществляться ДЖСЕ исходя из стратегии «всех азимутов» с использованием возможностей французских граждан, работающих за границей.

Объяснение такой политики возглавляемого социалистами правительства кроется не только в потребности использовать специфические возможности органа внешней разведки для вывода страны из сложного экономического положения, обостряемого противодействием правых сил (как внутри страны, так и за рубежом) прогрессивным реформам в области экономики. Еще в большей степени эта политика исходит из усиления имевшей место в СДЕСЕ и ранее тенденции к расширению экономического шпионажа, обусловленного экономическими интересами французского государственно-монополистического капитала, связанными в значи-

тельной степени с борьбой между империалистическими государствами за сферы влияния.

К особенностям современного этапа деятельности внешней разведки относится то, что усиление экономического шпионажа, основанного на стратегии «всех азимутов», происходит на фоне явного крена официального Парижа в сторону атлантизма, фактического сближения позиций правительства с военной политикой НАТО. Что касается ДЖСЕ, то теперь особенно заметно ее практическое взаимодействие со спецслужбами стран — членов НАТО, в первую очередь с ЦРУ, в подрывной деятельности против Польши.

Ясно обозначенные в реформе разведки интересы государственно-монополистического капитала нашли не менее четкое отражение и в реформе французских судебных органов.

С одной стороны, на основе закона № 81—737 от 4 августа 1981 года был ликвидирован суд государственной безопасности Пятой республики, а подсудные ему дела были переданы частично в ведение общеуголовной юрисдикции. Это означало ликвидацию наиболее одиозной формы давления империалистического государства на антиимпериалистические силы, которая даже с точки зрения либеральных кругов Франции в силу своей откровенной антидемократичности служила постоянным фактором излишней конфронтации в обществе и, соответственно, поводом для непримиримой критики существующего режима демократическими силами.

Обратной стороной медали явилось установление на основе закона № 82—621 от 21 июля 1982 года полномочий французских судебных органов в военной области и в сфере государственной безопасности. В результате реформы во Франции образована новая довольно гибкая система судебных органов, которая обеспечивает:

использование судов присяжных по делам о посягательствах на «внутреннее спокойствие» в стране. В этом суть демократического элемента реформы, поскольку ранее эти дела были в ведении суда госбезопасности, рассматривавшего их за закрытыми дверями. Участие присяжных в определенной мере может обеспечить влияние общественного мнения на ход и результаты судебного разбирательства;

образование на основе апелляционного суда, действующего в качестве суда первой инстанции, некоего суда-«гибрида» с элементами суда госбезопасности и судебных органов вооруженных сил, компетентного в мирное время осуществлять производство по делам о воинских преступлениях и проступках, а также преступлениях, направленных против безопасности государства;

учреждение при определенных условиях и в мирное время военных трибуналов с чрезвычайной компетенцией.

Основным элементом в этой системе является, безусловно, судебный орган, скрытый под вывеской апелляционного суда, который компетентен в мирное время осуществлять производство по делам:

о преступлениях и проступках против безопасности государства, в том числе предательстве, шпионаже, посягательстве на национальную оборону, о правонарушениях, связанных с ними. Кроме того, когда существует риск разглашения «секретов национальной обороны», любое дело, в частности и о посягательстве на «внутреннее спокойствие» в стране, должно быть рассмотрено указанным судебным органом;

о воинских преступлениях и проступках, установленных кодексом военной юстиции. При этом суд может назначать даже воинские наказания: разжалование или понижение в звании. Такое право принадлежало ранее только судебным органам вооруженных сил;

о некоторых посягательствах на безопасность «союзных и дружественных держав», а также стран, подписавших с Францией «генеральные соглашения по вопросам безопасности».

Итак, по своей компетенции рассматриваемый судебный орган занимает среди судов общеуголовной юрисдикции особое положение, которое было характерно как для суда госбезопасности, так и для судебных органов вооруженных сил. В этом отношении использование принципа формирования французских судебных органов по признаку их специализации ведет к жесткому отбору персонала судебных магистратов и большей возможности для исполнительной власти контролировать их деятельность. Та же цель преследовалась в свое время при создании суда госбезопасности.

Суд состоит из председателя и шести членов суда (заседателей). Это на два заседателя больше, чем было в суде госбезопасности, и на четыре — в апелляционном суде. Жюри присяжных упразднено.

Сравнительно узкий состав суда, корпоративный характер и кастовая замкнутость французского судебного корпуса, охраняемые законом «О статусе судебного корпуса», зависимость судей от исполнительной власти, которая определяет продвижение их по службе и отстранение от должности, запрещение всему судебному корпусу заниматься политической деятельностью и обязательность для него лояльного отношения к существующему политическому режиму в стране, всяческое ограждение его от критики общественности посредством узаконения принципа непогрешимости правосудия, нарушение принципа состязательности сторон за счет подавляющего преимущества прокуратуры и следственных органов — вот те условия, в которых рассмотренный судебный орган осуществляет деятельность, направленную на охрану существующих во Франции общественных отношений.

В результате проведенных новым правительством реформ органы непосредственного принуждения освобождены от груза старых форм и более приспособлены к новым условиям, в которых государственный механизм призван осуществлять функцию политической охраны капиталистического строя Франции.

ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНОВ ВЧК-КГБ

В редакцию Сборника из Управления КГБ по Воронежской области поступила заметка о В. К. Довгер, бывшей участнице партизанского отряда «Победители», активно сотрудничавшей с легендарным разведчиком Н. И. Кузнецовым, а также статья самой Довгер, в которой она рассказывает о командире отряда Д. Н. Медведеве.

Эти материалы с некоторыми сокращениями публикуются ниже.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О БОЕВОЙ СОРАТНИЦЕ Н. И. КУЗНЕЦОВА

С 1950 года в Воронеже живет Валентина Константиновна Довгер, боевая помощница известного разведчика Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова.

В период немецкой оккупации западных областей Украины Валентина Довгер находилась в Ровенской области. Отец ее, Довгер К. Е., вскоре вступил в разведывательно-диверсионный отряд «Победители», которым командовал Герой Советского Союза Д. Н. Медведев, и проявил себя как отважный разведчик. В марте 1943 года он был схвачен украинскими националистами и зверски замучен.

После гибели отца Валентина Довгер, ранее выполнявшая его отдельные поручения, явилась в отряд, чтобы активно бороться с фашистскими оккупантами и украинскими националистами.

По заданию командования она была направлена в Ровно, где оказывала большую помощь советскому разведчику Николаю Ивановичу Кузнецову, действовавшему под видом немецкого офицера Пауля Зиберта, лично участвовала в подготовке актов возмездия над крупными гитлеровскими генералами Гелем, Даргелем и другими.

В январе 1944 года Довгер должна была выехать в Восточную Пруссию, но была арестована гестапо, подвергнута пыткам и вывезена в Германию. Капитуляция рейха застала ее в концлагере. Долгое время Валентина работала в одном из военных трибуналов Советских войск в Германии, вышла замуж за работника трибунала С. М. Рыбака и с ним приехала на постоянное жительство в Воронеж.

Несмотря на плохое здоровье, которое подорвали выпавшие на ее долю тяжелейшие испытания, Валентина Константиновна до последних лет занималась военно-патриотической работой, выступала перед коллективами трудящихся, молодежью города.

Самые тесные контакты она поддерживает с Управлением КГБ по Воронежской области. Ее встречи с воронежскими чекистами, особенно молодыми, воспоминания о разведывательной деятельности Н. И. Кузнецова, Д. Н. Медведева активно используются для патриотического воспитания сотрудников УКГБ.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года В. К. Довгер награждена орденом Ленина.

Валентина Константиновна — человек исключительной скромности. Во время выступлений она, как правило, рассказывает о героических действиях Н. И. Кузнецова, Д. Н. Медведева, других разведчиков и партизан и почти ничего о себе, говорит, что в силу своих возможностей «только помогала Николаю Ивановичу».

Она охотно согласилась с предложением поделиться на страницах Сборника своими воспоминаниями о Д. Н. Медведеве.

О боевых действиях разведывательно-диверсионного отряда «Победители», о подвигах Н. И. Кузнецова и Д. Н. Медведева написано немало книг, и тем не менее воспоминания Валентины Константиновны нельзя читать без волнения, поскольку соприкасаешься с живой историей, с судьбами легендарных людей, которые были и остаются образцом для подражания. Нам представляется, что предлагаемые заметки В. К. Довгер будут полезны для недавно пришедших на службу в органы КГБ молодых сотрудников. Они также напомнят о необходимости учитывать в нашей деятельности опыт разведчиков фронтовых лет, что в современных условиях роста агрессивности империализма приобретает несомненную актуальность.

Полковник А. НИКИФОРОВ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О Д. Н. МЕДВЕДЕВЕ

В. ДОВГЕР

Хочется поведать не о боевых делах партизанского отряда «Победители», в составе которого мне довелось воевать в грозные дни войны, а о его командире, чекисте и писателе Дмитрии Николаевиче Медведеве, его огромном духовном богатстве, вере в людей, пронесенной через всю жизнь.

В то время мы до обидного мало знали друг о друге. Не принято было «копаться» в прошлом. И не потому, что мы не доверя-

ли друг другу, нет. Без веры в людей, без поддержки товарищей работать в условиях фашистской оккупации, в тылу врага было бы невозможно. Однако, учитывая сложность обстановки, приходилось строго соблюдать правила конспирации.

Подорванное двумя войнами здоровье требовало отдыха, но Дмитрий Николаевич не думает о нем. Он спешит рассказать о товарищах по оружию, считая это своим долгом перед павшими. После его выступления по радио потоком пошли письма с просьбой написать книгу о Герое Советского Союза Николае Ивановиче Кузнецове, выполнявшем задание в тылу врага под видом немецкого офицера, и его боевых друзьях. Дмитрий Николаевич взялся за перо. Задача была не из легких.

Уже в 1948 году выходит в свет книга «Это было под Ровно», а через два года она издается под названием «Сильные духом». Первые экземпляры с автографом посылались боевым друзьям. Вот они сейчас передо мной. Читаю: «...Тебе, Валюша, мой первый экземпляр... Вале Довгер на память о героических днях борьбы. Автор и командир Дм. Медведев». Сегодня — это самые дорогие реликвии.

В предисловии к книге «Это было под Ровно» написано: «Если после войны,— сказал мне как-то один из героев этого повествования Николай Иванович Кузнецов,— мы будем рассказывать о том, что и как делали, этому едва ли поверят. Да я бы и сам, пожалуй, не поверил, если б не был участником этих дел».

Недолгой была жизнь нашего командира, но какой удивительно яркой. Как-то на мой вопрос, почему он ничего не написал о себе, Дмитрий Николаевич улыбнулся и сказал:

— Знаешь, это я предоставляю другим, а моя задача — рассказать о всех вас, это нужно нашей молодежи.

В этом весь Дмитрий Николаевич — скромный, добрый, заботливый, уважающий и любящий людей.

И вот теперь мне хочется, чтобы вы узнали о командире и старшем товарище, учившем нас, тогда совсем еще юных, сложной работе разведчика, борьбе в тылу врага. Справлюсь ли? Прошло много лет, что-то стерлось в памяти. Записей, дневников мы не вели, а те короткие записки с советами и рекомендациями командира, доставленные связными, после прочтения сжигали.

Сегодня, вспоминая пройденный путь, думаешь, что можно было бы сделать еще больше и лучше, избежать мелких ошибок. Но это сегодня, когда от того времени нас отделяют десятилетия, накоплен жизненный опыт и головы убелены сединами.

Дмитрий Николаевич рос в многодетной семье сталелитейщика. Отец его работал по 16 часов в сутки и дослужился до мастера. Родители изо всех сил старались дать детям образование. Чтобы иметь возможность учиться в гимназии, Медведев занимался с детьми купцов, был репетитором, а в летние каникулы трудился на заводе рядом с отцом.

Все дети Медведевых рано приобщились к революционной деятельности в Брянске и Бежице. С началом гражданской войны Дмитрий Николаевич идет добровольцем в Красную Армию.

Возвратившись в мае 1920 года в Брянск, он поступает на службу в местный орган ВЧК. В этом же году становится членом партии. Всего себя отдает борьбе с врагами молодой Советской Республики, разгрому вражеского подполья, заботе о беспризорных детях и организации в Каменец-Подольске коммуны имени Феликса Дзержинского. В основном Дмитрий Николаевич работал на Украине.

Здоровье заставило Медведева уйти на пенсию, но недолгим был отдых. Уже в первые дни Великой Отечественной войны Дмитрий Николаевич написал несколько заявлений на имя руководства Наркомата с просьбой направить его в тыл врага для ведения партизанской борьбы. Спустя несколько лет после смерти командира, помогая его жене разбирать писательский архив, я нашла одно из этих заявлений с резолюцией наркома: «Предложить т. Медведеву составить подробный план возможности борьбы в тылу врага» (заявление было передано в архив КГБ).

Дмитрий Николаевич составил план организации и переброски через линию фронта партизанских отрядов, отдельных групп. Ему поручили командование одним из них.

В августе 1941 года с отрядом «Митя» (33 человека) Дмитрий Николаевич переходит линию фронта. В Москву идут сообщения о передвижении фашистских войск, рвущихся к столице нашей Родины — Москве. Взлетают в воздух вражеские эшелоны. Отряд осуществляет боевые операции, всемерно способствует развертыванию партизанской войны на Брянщине. Ряды народных мстителей множились. О бесстрашии партизан-медведевцев заговорили.

Узнав об отряде, его стали искать попавшие в окружение бойцы и командиры Красной Армии. Так пришел в отряд и Герой Советского Союза майор Сипович. После героической гибели Староверова он стал начальником штаба.

На открытии новой экспозиции музея Д. Н. Медведева в январе 1984 года во Дворце культуры и техники имени Медведева в Бежицком районе города Брянска один из участников отряда «Митя» рассказывал, как им, бойцам Красной Армии, попавшим в окружение, в других отрядах отказывали в приеме. Потерявшие надежду, голодные они вышли на Медведева. Выслушав их внимательно, Дмитрий Николаевич сурово сказал:

— Мы дадим вам возможность оправдать доверие Родины, оружие будете добывать себе в бою.

Не скрывая слез, ветеран закончил:

— Этот день я никогда не забуду, потому что вернулся в строй защитников Родины.

В той трудной обстановке все хорошо знали, что фашисты под любым предлогом старались заслать в отряды своих лазутчиков, провокаторов. Каким нужно было обладать огромным опытом, тонким чутьем, как знать людей, чтобы понять человека и поверить ему. В тех, кто был принят в отряд, Медведев не ошибся.

После четырех месяцев пребывания в тылу врага отряд, который вырос в несколько раз (стало более 270 человек), вернулся в Москву. 16 февраля 1942 года «Правда» поместила статью о пар-

тизанах, выполнивших рейд по вражеским тылам, и Указ Президиума Верховного Совета о награждении особо отличившихся орденами и медалями. Дмитрию Николаевичу был вручен орден Ленина и дано новое задание — сформировать отряд «Победители» на базе ОМСБОНа (Отдельная мотострелковая бригада особого назначения) для действий в Ровенской области.

Листая в памяти страницы прошлого, вспоминаю первую встречу с Дмитрием Николаевичем.

С приходом отряда в Сарненские леса Ровенской области осенью 1942 года мой отец стал его бойцом. Ночью часто раздавался условный стук в окно, который извещал о приходе партизан. Вначале родители старались скрыть от нас, детей, эту связь, но потом поняли, что это просто невозможно. Я начала выполнять поручения отца.

Чаще других у нас бывал чекист Виктор Васильевич Кочетков. Он руководил моими первыми шагами в разведке. Не забыть мне и тех минут, когда провожал и встречал меня с задания душа всего отряда, его комиссар Сергей Трофимович Стехов.

Все партизаны, приходившие к нам, с гордостью и глубоким уважением говорили о командире. Мне очень хотелось познакомиться с ним.

Обстановка в Западной Украине была очень сложной. Партизаны оказались между двух огней: с одной стороны — фашистские оккупанты, с другой — банды украинских националистов. Они нападали на партизанские отряды, всех заподозренных в связи с ними уничтожали целыми семьями, сжигали их дома.

Нелегко было в одиночку пробираться в отряд. Обычно в условленном месте разведчика и связного встречала группа наших бойцов. Поэтому отец долго не соглашался взять меня с собой.

И вот однажды, уходя на задание, он дал мне такое обещание. Выполнив поручение отца, я получила сумку от переводчика начальника жандармерии, в которой был пистолет, патроны и чистые бланки с печатью и подписью его шефа. Мне и в голову не могло прийти, что он помогал партизанам. При его помощи удалось выехать из городка, миновать полицейские посты. Уже находясь с заданием в Ровно, я узнала, что он был убит бандеровцами в одном из сел Клесовского района.

В назначенный час я пришла на условленное место и по лицам встречавших меня партизан поняла: что-то случилось. Первым ко мне подошел Виктор Васильевич.

— Мы ждем тебя, — сказал он. — Отец не придет, он сегодня погиб. Сейчас там идет бой, наши ребята отомстят за него.

В отряде все старались утешить меня, отвлечь от тяжелых мыслей, рассказывали всякие истории. И вдруг зазвучала еще незнакомая мне песня «Землянка». Какие удивительно точные слова о нашей действительности, как глубоко западают они в сердце! Впоследствии уже в Ровно, когда нам удавалось быть всем вместе, мы часто тихонько ее напевали.

Прошли десятилетия, но мне хорошо запомнилось то пасмурное утро, когда меня привели к штабной землянке. Несмотря на

ранний час, у входа стоял высокий, худощавый, подтянутый человек в белом полушубке. Его пристальный взгляд, плотно сжатые губы делали лицо строгим, даже суровым. Я робко посмотрела на командира, и слова, которые так хотела сказать ему, застряли в горле. Дмитрий Николаевич, а это был он, почувствовал мою растерянность, молча подошел ко мне, бережно взял за плечи и по-отцовски прижал к своей груди. Как-то очень тепло стало на душе от этого простого человеческого участия.

— Я ждал тебя, Валюша,— сказал он.

Мы зашли в землянку. Усадив меня у печурки, Дмитрий Николаевич продолжил:

— Знаю, горе очень большое, его так много сейчас. Утешать не буду. Вижу, справишься сама. Знай только, что теперь здесь твой дом, твоя семья. За отца мы им отомстим. Если можешь, считай меня вторым отцом.

В ту минуту трудно было осознать глубину этих слов. Это я поняла уже позже.

А тогда был серьезный разговор о предстоящей работе. В отряде со дня на день ждали приземления самолета, который взял бы тяжело раненных бойцов. Этим же рейсом ждали и начальника разведки А. А. Лукина.

От Дмитрия Николаевича я узнала о принятом им решении отправить меня в Москву на курсы радисток. После возвращения из Москвы я — знающая эти места, обстановку — буду работать в Ровно. Решение командира не подлежало обсуждению, а улетать из отряда мне очень не хотелось. Волновало то, что за это время может кончиться война и я не успею вернуться в отряд. Никто из нас тогда не знал, что от того радостного момента нас отделяет много-много месяцев.

Неожиданно ко мне подошел человек в темно-синем комбинезоне, до этого сидевший в стороне и, казалось, не обращавший внимания на наш разговор с Дмитрием Николаевичем. Улыбаясь, он стал поздравлять меня с отлетом в Москву, просил передать ей от него привет.

— Надеюсь, вы успеете вернуться,— сказал он,— и выстрелить один раз, если не в фашистов, то вместе с нами в честь победы.

Не помню точно, но что-то резкое вырвалось у меня в ответ, а этот незнакомый человек вдруг заговорил по-немецки. Чтобы, не ударить в грязь лицом, я собрала весь еще небольшой запас немецких слов, постаралась, чтобы ответ был четким и правильным. До этого я не встречала ни одного партизана, который бы свободно, без малейшего акцента говорил по-немецки.

Пристально посмотрев на меня, он вдруг спросил:

— А что если не в Москву, а в разведку уйдете с нами?

Это и было пока неисполнимым моим желанием. Я и ставший на мою сторону разведчик старались убедить командира принять такое решение. Взвешивались все «за» и «против». Командира настораживал мой очень небольшой опыт, неумение владеть собой, скрывать свои чувства, почти детский вид. После длительного обсуждения Дмитрий Николаевич сказал:

— Пусть будет так! А ты хорошо подумала, сможешь ли? Там нас не будет и тебе придется быть одной среди врагов. Не просто в оккупированном городе найти друзей. Они есть, но их надо уметь найти, ошибиться здесь нельзя.

Так произошло мое знакомство с человеком в комбинезоне. Это был Николай Иванович Кузнецов. С ним мне предстояло работать в Ровно.

Сегодня многим известны имена Н. Гнидюка, Н. Струтинского, Н. Приходько, М. Шевчука. Это им посвящены страницы книг Д. Н. Медведева, это он поведал читателям об их боевых действиях в тылу врага.

Много месяцев партизаны под командованием Д. Н. Медведева выполняли задания на территории Ровенской, Волынской, Львовской областей. Все это время в отряд приходили поодиночке и целыми семьями. Ряды народных мстителей росли. Дмитрий Николаевич поручил группе бойцов достать корову, чтобы дети могли получать так необходимое им молоко.

В отряде соблюдалась строгая дисциплина, каждый обязан был беспрекословно соблюдать конспирацию, следить за своей внешностью. Никаких скидок на лесные условия не делалось. Здесь, на временно оккупированной территории, партизаны были представителями Советской власти. Проводилась большая воспитательная работа. Именно поэтому было возможным в 1943 году в Велки Целковиче встретиться с прославленным партизанским командиром буквально в нескольких километрах от фашистов. Уверена, что они бы не пожалели ни танков, ни самолетов, ни своих отборных частей, если бы им об этом стало известно.

Мне приходилось видеть командира в разных сложных ситуациях. Он уверенно и спокойно руководил боем, и все это время ни один боец не выпадал из поля его зрения.

Вспоминаю случай, который произошел со мной под Ровно. После боя с фашистами во время перехода через железнодорожный путь отряд наскочил на бандеровцев. Кругом лес. Свистят пули. Вижу, как с оружием в руках бросаются в бой мои товарищи. Оставив на повозке все свои записи, таблицы (моя подготовка к работе в Ровно под руководством Н. И. Кузнецова не прекращалась и на марше), хватаю пистолет и бегу за всеми. Спотыкаюсь о кочку и падаю. Вдруг чувствую на своем плече чью-то руку. Боюсь открыть глаза, в голове одна мысль — вот и отвоевалась!

Неожиданно слышу знакомый голос Дмитрия Николаевича:

— Ты ранена?

Вскакиваю на ноги, пытаюсь что-то сказать, но командир приказывает:

— Ни шагу от меня!

Шла рядом, но это длилось недолго. Когда над головой просвистела пуля, я услышала:

— Марш к радистам, и чтобы я тебя здесь больше не видел!

Нагруженные тяжелыми рациями, радисты находились под прикрытием бойцов. Потерять рацию — значит потерять связь

с Москвой и возможность передавать полученные сведения.

Бой закончился. Все отдыхали. В том бою была добыта полевая походная кухня с готовым обедом. Ко мне подошел Дмитрий Николаевич и сурово спросил:

— А тебе известно, что и на войне у каждого свое задание? Ты свое задание знаешь, вот и выполняй. Учись, готовься.

— Но ведь шел бой,— сказала я.

— А кому стало бы лучше, если б шальная пуля попала в тебя? В твоих снайперских способностях я очень сомневаюсь, а вот намеченный план работы в городе мы могли сорвать. Запомни: цель у всех одна — бить врага, а задания разные. Да и в городе вам будет нелегко, здесь отряд, все вместе, а там вы один на один с врагом.

Когда мы пошли в город, был уже день. Далеко позади остался партизанский лагерь, а Дмитрий Николаевич все шел с нами. Пора было прощаться:

— Дорогие мои, задание надо выполнить, но будьте осторожны. Мы всегда с вами.

В городе через связных я получала короткие записки со словами поддержки, советами. Жаль, правила конспирации не позволяли их сохранить.

Однажды получилось так, что все ушли в отряд. В городе оставались Михаил Шевчук и я. К этому времени мы уже были хозяевами нашей партизанской конспиративной квартиры (сейчас там мемориальный музей Н. И. Кузнецова). Посещать ее в любое время имел право только Николай Иванович, остальные разведчики — в случае крайней необходимости.

Придя однажды с работы, я застала там Михаила Шевчука — дядю Мишу, как я его в то время называла. В той сложной обстановке даже мимолетной встрече каждый из нас был рад. Но ничего особенного не произошло, а потому его появление было нарушением всех правил.

Дядя Миша стал рассказывать мне о подготовленной им на завтра операции — взрыве немецкого казино. Попросил узнать о результатах более подробно, сам он после этого на время покидал город. Лично я в этой операции участия не принимала, знать мне о ней было не положено. Допускались такие нарушения от веры в надежность боевых друзей. Надо сказать, за всю работу я ни разу не ошиблась в товарищах.

Незаметно наступил комендантский час. Отпускать дядю Мишу было опасно. Он остался ночевать. Рано утром мама, разбудив меня, указала на окно. У меня внутри все похолодело: на улице стоят патрули. Что же делать? Куда спрятать портфель дяди Миши? В нем всегда лежали второй пистолет, обоймы и граната. А если обыск?

Из минутного оцепенения меня вывел спокойный голос дяди Миши:

— Пистолет у меня в кармане. Портфель с одним открытым замком пусть висит в комнате на вешалке. В случае чего, пока

я буду стрелять, бросай гранату. Не волнуйся, живыми мы им не дадимся.

Обидно было нелепо погибать. Работа в городе наладилась, все шло хорошо. Принимаем еще одно решение. Согласовываю с дядей Мишей его легенду: он друг отца, работник луцкой газеты, приехал в командировку, остановился у нас. Маму попросила накрыть на стол, поставить все, что есть съестное. Взяв все свои документы, я вышла на крыльцо.

Стоявший напротив жандарм через улицу закричал по-немецки:

— Девушка, закройте дверь, выходить запрещается, только после проверки.

На мои объяснения о работе в рейхскомиссариате он только замахал рукой.

Жду на пороге кухни. Вошел офицер с двумя жандармами. Протягиваю свои документы, стараясь говорить как можно лучше по-немецки, доказываю, что за опоздание меня ждут неприятности. А он, ехидно улыбаясь, говорит:

— Не волнуйтесь, мы прочесываем город, ловим советских партизан и ваш рейхскомиссариат помогает нам. Вы хорошо говорите по-немецки. Вы немка?

Показываю ему документы местной немки, они у меня были. Стараюсь не замолкать. Представляю дядю Мишу как друга отца. Мама хлопочет у стола. А когда офицер посмотрел на вешалку и портфель, стала его уговаривать выпить с нами чашку чаю. Это его отвлекло. Повернувшись ко мне, он сказал:

— С удовольствием выпил бы, мы стоим давно, но у меня еще много непроверенных квартир. Вы можете идти на работу, как только мы снимем посты. Здесь все в порядке,— обращаясь к своим подчиненным, произнес он и вышел вместе с ними.

Первые минуты мы не могли поверить, что опасность миновала и все обошлось. Дядя Миша просил меня никому не говорить о случившемся. Наученные горьким опытом, мы знали: повторения подобного не должно быть. Долго считали, что об этом никто не знает.

Закончилась война. Судьба разбросала бойцов отряда по разным местам. Дмитрий Николаевич, выписавшись из госпиталя, стал нас искать. Двери его квартиры всегда были открыты для бывших партизан. Мы часто собирались по нескольку человек. Во время одной из таких встреч Дмитрий Николаевич вдруг сказал:

— Валюша, может быть ты нам расскажешь, как у вас с Мишей прошла проверка, когда прочесывали город в поисках партизан?

Спустя несколько лет я узнала, что Дмитрию Николаевичу все было известно на второй же день. Видимо, дядя Миша под впечатлением пережитого после взрыва в казино ушел в отряд и кому-то рассказал об этом эпизоде. Дмитрий Николаевич не стал нас ругать, не стал наказывать, он понимал, что это нам хороший урок на будущее.